

**ГЕНРИ
РАЙДЕР
ХАГГАРД**

КЛЕОПАТРА

Египетские ночи

Генри Райдер Хаггард

Клеопатра

«Public Domain»

1889

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Хаггард Г.

Клеопатра / Г. Хаггард — «Public Domain», 1889 — (Египетские
ночи)

ISBN 978-5-486-03331-5

Генри Райдер Хаггард (1856—1925) — известный английский писатель, автор множества приключенческих романов, завоевавших широкую популярность. С немалым успехом Хаггард пробовал свои силы и в сочинении исторических, психологических и фантастических рассказов. Все им созданное отмечено богатым воображением, необычайным правдоподобием и масштабностью повествования. В награду за труды во благо Британской империи он был возведен в рыцарское достоинство. В данном томе представлен роман «Клеопатра», повествующий о заговоре верховных жрецов Египта, решивших сбросить с трона ненавистную царицу Клеопатру, которая отдала Египет во власть Риму.

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03331-5

© Хаггард Г., 1889
© Public Domain, 1889

Содержание

Введение	6
Часть I	10
I	10
II	14
III	18
IV	22
V	26
VI	29
VII	34
Часть II	38
I	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Генри Райдер Хаггард

Клеопатра

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

Введение

В мрачном уединении пустынных Ливийских гор, лежащих позади храма и города Абидоса, предполагаемого места погребения священного Озириса¹, недавно была открыта гробница. В ней нашли, между прочим, свиток папируса, на котором была написана вся история Гармахиса, потомка фараонов. Гробница очень обширна и замечательна уже глубиной входа, спускающегося вертикально вниз, в самый склеп, из пещеры, высеченной в скале и служившей, очевидно, надгробной часовней для друзей и родственников усопшего. Вход этот имеет не менее 89 футов в глубину. Внизу, в склепе, нашли три гроба, хотя там могло поместиться и более. Два гроба, в которых, вероятно, покоились останки великого жреца Аменемхата и его жены, родителей Гармахиса, героя рассказа, были взломаны бесстыдными арабами. Хищники растерзали тела, своими нечестивыми руками касались тела священного Аменемхата и той, через которую, как было написано, говорило великое божество, рвали их на части, ища сокровищ между костями, – быть может, и самые кости они, по своему обычаю, продали за несколько пиастров какому-нибудь невежественному туристу, побывавшему там мимоходом. В Египте всякий бедняк заработает себе хлеб на гробницах великих людей, живших задолго до него.

В это время один знакомый автора, доктор по профессии, путешествовал по Нилу до Абидоса и познакомился с теми арабами, которые нашли гробницу. Они открыли ему тайну, что один гроб остался нетронутым. Вероятно, говорили они, это был гроб бедного человека, и, торопясь, они не успели ограбить его.

Побуждаемый любопытством исследовать тайну и увидеть гробницу, не оскверненную туристами, мой друг подкупил арабов, чтобы они показали ему гроб.

Что из этого произошло, пусть он рассказывает сам так, как писал мне.

«Я спал, – пишет он, – эту ночь близ храма Сети и на следующее утро проснулся еще до рассвета. Спутниками моими были: косоглазый каналья Али – я звал его Али-баба, – тот самый, у которого я достал посланное мною вам кольцо, и несколько удачно подобранных его товарищей, таких же грабителей. Спустя час после восхода солнца мы очутились в долине, где находилась гробница. Это пустынное место, накаляемое солнцем в течение целого дня до того, что до огромных коричневых скал нельзя коснуться рукой, а песок жжет ноги. Было слишком жарко, мы не могли идти пешком, сели на ослов и таким образом ехали по долине, где единственным свидетелем нашего путешествия был коршун, реявший над нашими головами в безбрежной синеве неба.

Так мы добрались до огромной скалы, отполированной в течение столетий и солнцем, и песком. Здесь Али остановился, заявив, что гробница находится под камнем. Мы слезли и, оставив ослов на попечение мальчика-феллаха, направились к скале. Внизу скалы виднелось небольшое отверстие, достаточное, чтобы пролезть человеку. Вероятно, его проделали шакалы, и благодаря им гробница была открыта. Али пополз на четвереньках в отверстие, я последовал за ним и скоро очутился в темноте. После яркого света и теплого воздуха тут было очень холодно и темно. Мы зажгли свечи, и я принялся за расследование. Мы находились в пещере, похожей на комнату. Дотронувшись рукой до стен, я заметил, что пыли здесь не было и что религиозные изображения имели обычный характер Птолемеев. Между ними я заметил изображение величественного старца с длинной белой бородой, сидевшего в резном кресле, держа в руке жезл². Перед ним шла процессия жрецов с священными реликвиями. В правом углу находился зияющий четырехугольный колодец, вырытый в черной скале. Мы принесли с собой бревно из тернового дерева и, положив его поперек колодца, привязали к нему веревку.

¹ Бог света в Древнем Египте.

² Очевидно, это портрет самого Аменемхата.

Али – надо отдать ему справедливость, смелый негодяй – схватился за веревку и, засунув за пазуху несколько свечей, уперся босыми ногами в стенки колодца и быстро спустился вниз. Скоро он исчез из виду, и только колебания веревки показывали нам, что он продолжает спускаться ниже. Наконец веревка перестала колебаться, и слабый звук выстрела долетел до нас из колодца: то Али извещал нас, что спустился благополучно. Далеко внизу показался свет: Али зажег свечу; свет ее спугнул сотни летучих мышей, которые тихо, как духи, летали и метались вверх и вниз. Веревку вытянули наверх. Настала моя очередь спускаться. Я решился на такой рискованный спуск; конец веревки обвязали посередине моего тела и спустили меня в глубину. Нельзя сказать, чтобы это было приятное путешествие, так как если бы спускавшие меня вниз люди сделали маленькую ошибку, я разбился бы вдребезги. Летучие мыши били меня в лицо, цепляясь за мои волосы, а я очень не люблю их.

Прошло несколько минут качания на веревке, и я очутился на ногах рядом с достойным Али, в узком проходе, покрытый потом, усеянный летучими мышами; локти и колени мои были изодраны. За мной спустился один из спутников, скользя по веревке, как матрос. Остальные стояли наверху, по уговору ожидая нашего возвращения. Али пошел вперед с свечой в руке; каждый из нас имел свечу, указывая дорогу в длинном коридоре пяти футов в высоту. Дальше коридор был шире, и мы очутились в склепе. Тут царила тишина, но было так жарко, что можно было задохнуться.

Это была четырехугольная камера, высеченная в скале и совершенно лишенная всяких украшений: не было ни священных изображений, ни скульптуры. Я взял свечу и оглядел склеп. Неподалеку лежали крышки гробниц и остатки мумий, оскверненных руками арабов. Я заметил, что рисунки на первой гробнице были замечательно красивы, хотя, не имея понятия о иероглифах, ничего разобрать не мог. Бисер и покров валялись около останков, очевидно, мужчины и женщины³. Голова мужчины была отделена от тела. Я взял эту голову и долго разглядывал ее. Она была чисто выбрита – после смерти, как мне показалось по некоторым признакам, и черты лица были обезображены золотым листом, обыкновенно накладываемым на лицо мумий. Несмотря на это и на морщины, лицо было поразительно красиво. Это был очень старый человек, на мертвом лице его застыло выражение такого торжественного покоя, что мне стало страшно, какой-то суеверный ужас охватил меня (хотя я, как вы знаете, весьма привык к мертвецам), и я положил голову опять на место. Лицо второго трупа было закрыто покрывом, и я не тронул его. Но это, очевидно, была при жизни очень высокая женщина.

– Здесь еще есть мумия! – проговорил Али, указывая на большой и прочный ящик, который, казалось, был небрежно брошен в угол и лежал на боку.

Я решился осмотреть мумию. Это был хорошо сделанный ящик из кедрового дерева, без всякой надписи или изображения.

– Никогда я не видал такого! – заметил Али. – Бросим его опять назад!

Я смотрел на ящик с возрастающим интересом. Потрясенный видом праха усопших, я сначала не хотел трогать гроба, но любопытство превозмогло, и мы принялись за работу.

Али принес долото и молоток и, усевшись на гробницу, принялся за дело со всем усердием опытного гробокопателя и вора. Он указал мне на нечто странное. Обыкновенно ящики с мумиями скрепляются четырьмя маленькими деревянными клинышками, по два с каждой стороны, этот же ящик имел целых восемь клинышков, хорошо закрепленных.

Очевидно, ящик старались закрыть крепче и плотнее.

Наконец с большим трудом мы подняли массивную крышку около трех дюймов в толщину и на дне ящика увидели труп, прикрытый толстым слоем ароматных трав. Али смотрел на мумию, широко раскрыв глаза: мумия не походила на другие. Обыкновенно мумии лежат на спине с спокойным и окаменелым видом, словно высеченные из дерева. Наша же мумия

³ Несомненно, Аменемхата и его жены.

лежала на боку, и под покровом заметно было, что ее колени согнуты. Более того, золотая маска, которая по обычаю во времена Птолемеев надевалась на лицо, была сброшена и буквально сплюснута под головой. При виде всего этого невольно приходило в голову, что мумия была жива и даже двигалась тогда, когда была положена в гробницу.

– Странная мумия, – сказал Али, – точно она была жива, когда ее положили сюда!

– Глупости, – возразил я. – Кто слышал о живых мумиях?

Мы подняли труп из ящика, избегая прикосновения к нему, и под ним, в покрывах, нашли сверток папируса, небрежно связанный и, казалось, брошенный в ящик в момент его заделывания⁴.

Али жадно смотрел на папирус, но я схватил его и спрятал в карман, так как по уговору все, что мы найдем, принадлежало мне. Потом мы начали разворачивать труп, покрытый широкими повязками, навитыми и грубо перевязанными узлом. Казалось, все это делалось наспех и с трудом. Теперь, когда все покровы были сняты, на лице мумии оказался второй свиток папируса. Я хотел взять его, но не мог. Оказалось, что он был прикреплен к савану без швов, наброшенному как мешок и завязанному у ног. Этот саван, плотно навощенный, был сделан из одного большого куска.

Я взял свечу, чтобы разглядеть свиток, и понял, почему он не отставал от трупа: душистые мази приклеили его. Невозможно было отнять его от трупа, не разорвав нижних листов папируса⁵.

Наконец я добыл его и опустил в карман, затем, заботливо сняв саван, осмотрел труп мужчины. Между его коленями находился третий свиток папируса. Я взял его и взглянул в лицо мумии. Одного взгляда на его лицо было достаточно для меня, врача, чтобы понять, отчего он умер. Труп не очень высох. Очевидно, он не лежал положенных семьдесят дней до погребения, и поэтому выражение лица и сходство сохранилось лучше обыкновенного. Не входя в подробности, скажу только, что не дай мне бог когда-нибудь увидеть такое ужасное лицо, как у этого мертвеца. Даже арабы с ужасом отвернулись и начали бормотать молитвы. Кроме этого, на трупе не оказалось обыкновенного отверстия в левом боку, через которое его бальзамируют. Тонкие, правильные черты лица принадлежали человеку средних лет, хотя волосы были совершенно седые. Сложение тела говорило о физически сильном человеке, плечи были необыкновенно широки. Я не успел хорошенько рассмотреть его, так как через несколько секунд ненабальзамированное тело начало рассыпаться под влиянием воздуха. Через пять или шесть минут от него буквально ничего не осталось, кроме клочка волос, черепа и нескольких больших костей. Я заметил, что берцовая кость – не помню, правая или левая – была сломана и очень дурно вправлена. Одна нога была на дюйм короче другой.

Больше искать здесь было нечего. Когда наше возбуждение улеглось от жары, опьяняющего запаха ароматов и мумий, я упал, полумертвый, на землю...

Я устал писать, корабль сильно качает. Это письмо, конечно, пойдет сухим путем, а я поеду «вдоль по морю» и надеюсь быть в Лондоне дней на десять позже письма. Тогда расскажу вам при свидании о моих забавных приключениях при подъеме из склона, как мошенник из мошенников Али-баба и его достойные друзья пытались напугать меня и отнять папирусы и как я отделался от них. Мы с вами прочитаем папирусы. Я ожидаю, что это будет простая штука, копия с Книги мертвых, но, быть может, в них есть еще что-нибудь. Разумеется, я никому не говорил о своем маленьком приключении в Египте, иначе весь Булакский музей погнался бы за мной по пятам. Прощайте, «Mafech Fineech», как говорил Али-баба».

⁴ Этот свиток содержал в себе третью, неоконченную книгу истории. Остальные два свертка были завязаны обычным способом. Все три написаны одной рукой демотическим письмом.

⁵ В силу этого, вероятно, и произошли пропуски в последних листах второго папируса.

В скором времени мой друг, автор письма, действительно приехал в Лондон. Мы отправились с визитом к одному ученому, знатоку иероглифов и демотического письма. Можно представить себе наш страх, с каким мы следили, когда он серьезно и последовательно смачивал и рассматривал свитки сквозь стекла своих золотых очков.

– Ну, – заявил он, – что бы там ни было, но это не копия с Книги мертвых, клянусь Георгом! Что же это такое? Кле-Клео-Клеопатра... О, милостивые государи, это так же верно, как то, что я живой человек, что это история кого-то, кто жил во времена Клеопатры; рядом с ней встречается имя Антония!.. Отлично, шесть месяцев работы – шесть месяцев, и все будет ясно! – При этой приятной перспективе ученый потерял всякую власть над собой и начал прыгать по комнате, пожимая нам руки и бормоча: – Я переведу, переведу это, хотя бы мне грозила смерть, мы напечатаем, и, клянусь Озирисом, все египтологи в Европе лопнут от зависти. О, какая находка! Какая драгоценная находка!..

Ученый исполнил свое обещание, и перед нами явился удивительный рассказ из давно минувших времен.

Гармахис заговорил из своей забытой могилы. Стены веков упали, и, словно при ярком блеске молний, явились картины прошлого, окаймленные мрачной тенью протекших столетий...

Перед нами два Египта: молчаливые пирамиды одного смотрят на нас через многие сотни веков; это Египет греков, римлян, Птолемеев. Другой – одряхлевший Египет Гиеорофантов, покрытый плесенью веков, подавленный тяжестью древних легенд, воспоминанием о давно потерянном величии.

Из рассказа Гармахиса мы узнали, как погибающая страна Кеми ожила и вспыхнула перед смертью, как стойко боролась древняя, временем освященная вера против нового веяния, которое разлилось, подобно Нилу, по стране и потопило древних богов Египта.

Эти страницы скажут нам о почитании великой, многообразной Изиды, исполнительницы высших начертаний. Мы познакомимся с Клеопатрой, «сотканной из пламени», чья страстью пышущая красота играла судьбами царства. Прочитаем, как душа Хармионы погибла от меча, выкованного ее мстительностью.

Гармахис, царственный египтянин, из-за могилы приветствует вас, шествующих по жизненному пути. История его разбитой жизни укажет вам на проступки вашего собственного существования. Из мрачного Аменти⁶, где он искупает свой грех, взывает он к вам, рассказывая историю своего падения, судьбу того, кто продал и забыл своего бога, свою честь и свою страну.

⁶ Египетский ад или чистилище.

Часть I

Приготовление Гармахиса

I

Рождение Гармахиса. – Пророчество. – Убийство невинного дитяти

Именем священного Озириса, почивающего в Абуфисе, клянусь, пишу истинную правду я, Гармахис, наследственный жрец храма, воздвигнутого в честь божественного Сети, бывшего фараона в Египте, теперь почившего в лоне Озириса, властителя Аменти.

Я, Гармахис, по воле божества происхожу от крови царственного властителя двойной короны, фараонов Верхнего и Нижнего Египта!..

Я – Гармахис, отложивший в сторону все светлые надежды, свернувший с правого пути, забывший голос бога ради голоса прекрасной женщины! Я – Гармахис, падший и погибший человек, над которым склонились все горести и невзгоды, подобно тому, как скапливаются воды в пустынном колодце; который вкусил и стыд, и унижение, сделался предателем из предателей, потерял будущие блага ради земного счастья, теперь несчастный, опозоренный, – я пишу, клянусь именем священной гробницы Озириса, пишу только правду.

О Египет! Дорогая страна Кеми, чья чрезмерная почва вскормила меня, страна, которую я предал! Озирис! Изиди! Хор! Боги Египта, которым я изменил! О храмы священные, портики которых возносятся к небу, вашу веру я бессовестно предал! О царственная кровь старейших фараонов, что медленно течет теперь в моих ослабленных венах, вашу чистоту и добродетель я опозорил!

О Невидимое Существо Всевидящего Бога!

О судьба, чья чаша весов под тяжестью моих преступлений склонилась на мою сторону, услышьте меня и в день страшный последнего суда засвидетельствуйте, что я пишу правду!

В то время как я пишу, вдали, за зеленеющими полями, течет Нил, и волны его кажутся окрашенными кровью. Передо мной солнечные лучи заливают горы Ливии, играя на колоннах Абуфиса. Жрецы и теперь еще молятся в храмах Абуфиса, который навеки отвернулся от меня. Там приносятся жертвы, и каменные своды вторят жарким молитвам народа. Поныне из уединенной кельи моей башни-тюрьмы я, олицетворение стыда, жадно сторожу развевающиеся священные знамена на стенах Абуфиса, жадно вслушиваюсь в пение, когда длинная священная процессия извивается, подвигаясь от святилища к святилищу.

Абуфис, навеки потерянный Абуфис! Мое сердце рвется к тебе! Наступит день, когда песок пустыни занесет все твои священные уголки! Боги осуждены, о Абуфис! Новая вера будет смеяться над твоей святыней, и на крепостных стенах раздастся зычный клик центуриона⁷. Я плачу, плачу кровавыми слезами; я виновник всех твоих несчастий, твое унижение покрыло меня позором!

Я родился здесь, в Абуфисе, я, Гармахис, и мой отец, почивший в Озирисе, был великим жрецом храма Сети. В самый день моего рождения родилась и Клеопатра, царица Египта. Я провел свое детство среди цветущих полей, наблюдая за тяжелой трудовой жизнью народа, бегая по обширным дворам храма. О своей матери я ничего не знал, так как она умерла, когда я был грудным ребенком. Но перед смертью – она умерла в царствование Птолемея Анлета, прозванного Флейтистом, – по словам старой женщины, Атуи, моя мать открыла ящичек из

⁷ Так назывались сотники у римлян.

слоновой кости, вынула из него золотой уреус, символ нашей царственной крови, и положила мне на лоб. Те, кто видел это, подумали, что Божество внушило ей этот поступок и что под наитием Высшей Силы она предвидела, что дни македонян Лагидов⁸ кончились и что скипетр Египта перейдет наконец в руки настоящего царственного рода. Мой отец, великий жрец Аменемхат, у которого я был единственным ребенком, узнав о поступке умирающей жены, возвел руки и очи к небу и благодарил Божество за посланную свыше милость. Во время его молитвы аторы⁹ осенили мою умирающую мать даром пророчества; больная с необыкновенной силой поднялась на своем ложе, трижды простерла руки над колыбелью, в которой я спал с священным уреусом на лбу, и воскликнула: «Приветствую тебя, плод моего чрева! Приветствую тебя, царственное дитя! Приветствую тебя, будущий фараон! Священное семя Нектнера, ведущее род свой от Изиды, чрез тебя Бог очистит страну! Береги свою чистоту и будешь возвеличен и освободишь Египет! Но если в тяжкий час испытания ты не выдержишь и изменишь, да падет на тебя проклятие всех богов Египта, проклятие твоих царственных предков, которые правили Египтом со времен Хора. Тогда ты будешь несчастнейшим из людей! Тогда после смерти пусть Озирис отвергнет тебя и судьи Аменти пусть свидетельствуют против тебя. Сет и Сехлет будут мучить тебя, пока не искупишь ты грех свой, пока боги Египта, названные чужими именами, не будут снова восстановлены в храмах Египта, пока жезл Гонителя не сломается совсем и следы чужестранца не изгладятся в египетской земле, пока не совершится все, что ты причинил по своей слабости и неразумию!» Когда моя мать произнесла эти слова, дар пророчества оставил ее, и она упала, мертвая, на мою колыбель.

Я проснулся с криком ужаса.

Отец мой, великий жрец Аменемхат, страшно испугался, так как пророческие слова матери были явной изменой Птолемею. Он хорошо знал, что если эти слова дойдут до ушей Птолемея, фараон немедленно пришлет солдат, чтобы убить дитя, к которому относилось это пророчество. Отец мой запер двери и заставил всех присутствующих дать ему под клятвой обещание, что ни одно слово из слышанного не сойдет с их губ. Все поклялись ему святым символом храма, именем Божественных трех Атор и душой умершей, лежавшей под камнями храма.

Среди присутствующих находилась старая женщина, Атуа, бывшая кормилица моей матери, горячо любившая ее. В наши дни – и не знаю, как это было в прошлом и как будет в будущем, – я наверное знаю, что нет такой клятвы, которая могла бы сдерживать женский язык. Мало-помалу, когда старая Атуа освоилась с происшедшим и страх отлетел от нее, она сообщила о пророчестве своей дочери, моей кормилице, заменившей мне мать.

Атуа рассказала обо всем дочери во время прогулки, когда они несли обед ее мужу, скульптору, высекавшему изображение богов на могилах.

Рассказав, она добавила, что заботы и любовь кормилицы ко мне должны быть особенно велики и дороги, так как я будущий фараон, долженствующий изгнать Птолемея из Египта.

Дочь Атуи, моя кормилица, была так поражена этим чудом, что не могла сдержаться и ночью рассказала все своему мужу, тем самым подготовив свою собственную гибель и гибель своего ребенка, моего молочного брата. Муж ее рассказал своему приятелю, тайному шпиону фараона.

Таким образом фараон скоро узнал обо всем. Тот был очень смущен известием. Хотя в пьяном виде Птолемей издевался над богами египтян и клялся, что римский сенат – единственное божество, перед которым он склонит колени, но в глубине души Птолемей боялся их, как я узнал впоследствии от его лекаря.

⁸ Первый Птолемей Лагид был военачальником Александра Македонского.

⁹ Египетские парки, боги судьбы.

Оставаясь один ночью, он вопил и кричал, обращаясь к великому Серапису и другим богам, боясь быть убитым, боясь, что душа его обречена на вечные мучения. Чувствуя, что его трон колеблется, фараон рассылал богатые подарки в храмы, вопрошал оракулов (в особенности чтимый им оракул – в Фивах). Когда до него дошел слух, что жена великого жреца при великом и древнем храме Абуфиса, одержимая перед смертью духом пророчества, предсказала, что ее сын будет фараоном, он сильно испугался и, собрав несколько надежных солдат, – они были греки и не боялись святотатства, – отправил их в лодке по Нилу с приказом проникнуть в Абуфис, отрубить голову сыну великого жреца и принести ему эту голову в корзине.

Но случилось так, что лодка, в которой поплыли солдаты, глубоко сидела в воде, а время плавания совпало как раз с убывью воды в реке. Лодка наткнулась и задержалась песчаными отмелями, а северный ветер дул так свирепо, что была опасность утонуть.

Тогда солдаты фараона начали сзывать народ, работавший вдоль берегов реки, приказывая им взять лодки и снять их с мели.

Народ, видя, что это были греки из Александрии, не шевельнулся: египтяне не любили греков. Но солдаты кричали, что они едут по делу фараона. Народ непременно хотел знать, что это за дело. Среди солдат был евнух, совершенно опьяневший от страха; он сообщил толпе, что они посланы убить дитя великого жреца Аменемхата, которому предсказано, что он будет фараоном и выгонит греков из Египта. Народ не посмел колебаться долее и исполнил приказание, не совсем поняв смысл слов евнуха. Но один из присутствующих, фермер и смотритель каналов, родственник моей матери, слышавший ее пророческие слова над моей колыбелью, быстро пустился в путь и через три четверти часа стоял в нашем доме, со стороны северной стены великого храма. В это время мой отец находился в Долине Смерти, налево от большой крепостной стены, а солдаты фараона, усевшись на ослов, скоро добрались до нас. Фермер закричал старой Атуе, язык которой наделал столько зла, что солдаты, прибывшие с целью убить меня, близко от нас. Оба они с ужасом смотрели друг на друга, не зная, что делать. Если б они спрятали меня, солдаты не ушли бы, не разыскав моего убежища. Вдруг фермер, взглянув на двор, заметил игравшего там маленького ребенка.

– Женщина, – спросил он, – чье это дитя?

– Это мой внук, – отвечала она, – молочный брат принца Гармахиса; его мать навлекла на нас столько несчастий и бед!

– Женщина, – произнес фермер, – ты знаешь свой долг! Делай же! – Он снова указал на играющее дитя. – Я приказываю тебе это священным именем Озириса!

Атуа затряслась от горя: дитя было ее собственной крови, ее родной внук, но, несмотря на это, быстро схватила его, вымыла, надела на него дорогое шелковое платье и положила в мою колыбель, меня же старательно испачкала песком, чтобы моя белая кожа казалась темнее, сняла хорошее платье и сунула меня в грязный угол двора, чему, впрочем, я был очень рад.

Едва успел мой добрый родственник скрыться, как вошли солдаты и спросили старую Атуу, где находится жилище великого жреца Аменемхата.

Атуа попросила их войти в дом и подала им меду и молока, так как они были утомлены и хотели пить.

Утолив жажду, евнух, находившийся среди солдат, спросил, действительно ли сын Аменемхата лежит в колыбели. Атуа отвечала утвердительно и начала рассказывать солдатам, что ребенку предсказаны величие и царская власть.

Греки засмеялись, один из них схватил дитя и отрубил ему голову мечом. Евнух показал Атуе бумагу, полномочие на убийство с печатью фараона, и велел ей передать великому жрецу, что его сын может быть царем и без головы.

Когда солдаты уходили, один из них заметил меня, игравшего в грязном углу, и заявил, что я больше похож на принца Гармахиса, чем убитый ребенок. На одну минуту они остановились было, но потом прошли мимо, унося с собой голову моего молочного брата.

Через короткое время вернулась с рынка моя кормилица, мать убитого ребенка, и, когда узнала все, что произошло, пришла в отчаяние. Она и муж ее хотели убить старую Атую и отдать меня солдатам фараона. В это время вернулся мой отец и, узнав всю правду, приказал ночью схватить скульптора и его жену и спрятать их в один из темных углов храма, чтоб никто более не мог видеть их.

Теперь у меня часто является сожаление, что по воле богов солдаты не убили меня вместо невинного ребенка.

С тех пор стало известно, что великий жрец Аменемхат взял меня к себе вместо Гармахиса, убитого фараоном.

II

Неповиновение Гармахиса. – Гармахис убивает льва. – О чем говорила старая Атуа

После всего случившегося Птолемей Флейтист более не беспокоил нас и не посылал своих солдат на поиски того, кому было предсказано быть фараоном. Евнух принес ему голову дитяти, моего молочного брата, когда царь сидел в своем мраморном дворце в Александрии, пил кипрское вино и играл на флейте перед своей женой.

По его приказанию евнух, держа за волосы, поднес ему голову, чтобы рассмотреть получше. Фараон засмеялся, ударил ее по щеке своей сандалией и приказал одной из девушек убрать фараона цветами, потом, преклонив колена, стал издеваться над мертвой головой убитого ребенка. Девушка, бойкая и смелая на язык – все это я узнал уже потом, – сказала фараону, что он хорошо сделал, преклонив колена, так как убитое дитя было истинным фараоном, величайшим из царей, имя его было Озирис, а престолом – Смерть. Птолемей смутился при этих словах и задрожал. Злой и дурной по натуре, он страшно боялся суда Аменти и смерти. Он приказал убить девушку, найдя в ее словах дурное для себя предзнаменование, крича, что он охотно посылает ее вслед за убитым фараоном, которого она может почитать, как ей угодно. Птолемей отослал прочь и других женщин и перестал даже играть на флейте, пока на другой день снова не напился пьяным.

Александрийцы сложили по этому поводу песню, которая и до сих пор распевается на улицах Александрии. В ней они осмеивают Птолемея Флейтиста, играющего на своей флейте над мертвыми и умирающими.

«Флейта его, – говорится в песне, – сделана из сырого тростника, взятого с берегов адской реки. Когда-нибудь под мрачной сенью ада вместе с тремя парками он будет играть на флейте. Лягушка займет должность его дворецкого, а вода адской реки будет вином для Птолемея Флейтиста».

Годы шли. Я был слишком мал еще и не имел понятия о важных событиях, происходивших тогда в Египте. Да у меня осталось и слишком мало времени, и я хочу говорить только о том, что близко касалось меня.

За эти истекшие годы мой отец и учителя обучали меня древней науке нашего народа, применяясь к моему детскому понятию. Я рос сильным, красивым мальчиком; волосы мои были черны, подобно волосам божественной Ну, глаза походили на голубой цветок лотоса, кожа уподоблялась алебастру. Теперь, когда все это давно миновало, я могу говорить об этом без стыда. Я обладал большой физической силой.

Во всем Абуфисе не было юноши моих лет, который бы мог побороть меня или сравниться со мной в искусстве метать камень из пращи или копье.

Я страстно желал поохотиться за львом, но тот, кого я привык называть отцом, строго воспреещал мне это, говоря, что моя жизнь слишком дорога, чтобы так безрассудно рисковать ею. Когда я, склонившись перед ним, умолял объяснить мне смысл этих слов, старик нахмурился и отвечал, что боги посылают все в свое время. Что касается меня, я ушел рассерженный.

В Абуфисе был юноша, который вместе с другими убил льва, часто нападавшего на стада его отца. Завидую моей силе и красоте, он уверял, что я страшный трус в душе и способен охотиться только за шакалами и газелями. Мне в то время шел семнадцатый год, и я был вполне зрелым мужчиной. Когда я ушел, рассерженный, от отца, то случайно встретился с этим юношей. Тот снова стал подсмеиваться надо мной, говоря, что кое-кто из жителей городка сказал ему, что огромный лев засел на берегах канала, пересекающего храм, и что берлога льва находится на расстоянии тридцати стадий от Абуфиса. Он спросил меня с насмешкой, не хочу ли

я помочь ему убить льва или, может быть, желаю уйти домой посидеть со старухами, которые будут расчесывать мои локоны.

Это издевательство глубоко оскорбило меня. Я готов был броситься на юношу, но вместо того, забыв слова отца, ответил ему, что охотно пойду с ним, разыщу льва и докажу, такой ли я трус, каким он меня считает. Сначала юноша колебался, не хотел идти со мной, хотя у нас есть обычай охотиться за львом целой компанией. Наступила моя очередь смеяться. Тогда юноша пошел, чтобы захватить свой лук, стрелы и острый нож.

Я же взял с собой мое тяжелое копье с рукояткой из тернового дерева и с серебряным яблоком на конце, чтобы не скользила рука.

Мы отправились молча, бок о бок, к берлоге льва. Когда мы пришли на место, солнце было близко к закату. На береговом иле мы нашли следы льва, который скрывался в прибрежном тростнике.

– Ну, хвастун, – сказал я, – ты желаешь пойти в тростник ко льву или мне идти? Я пойду поищу дорогу!

– Нет, нет, – возразил он, – не будь так глуп! Чудовище прыгнет и разорвет тебя. Смотри!

– Я буду стрелять в камыши, может быть, он спит, я его подниму!

Юноша взял свой лук и прицелился.

Я не знал, как это случилось, но стрела разбудила спящего льва. С быстротой молнии, внезапно сверкнувшей из облака, выпрыгнул он из тростника и остановился перед нами с ошетилившейся гривой и налитыми кровью глазами. Стрела торчала в его боку. Лев яростно заревел; земля тряслась под нами от его криков.

– Пускай стрелу! – крикнул я. – Пускай, прежде чем он прыгнет!

Но мужество покинуло хвастуна, его зубы стучали, пальцы разжались, лук упал на землю, а сам охотник с громким криком бросился бежать, предоставив мне льва. Я стоял неподвижно, ожидая своего приговора, испуганный до того, что не мог бежать. Лев встряхнулся, присел и, одним огромным прыжком перелетев через меня, прыгнул опять вслед за убежавшим юношей, нагнал его и ударил своей огромной лапой по голове, так что голова его разбилась, как яйцо, которое ударили камнем.

Несчастный упал на землю мертвый. Лев остановился над ним и снова заревел. Охваченный ужасом, почти бессознательно я схватил копье и бросился на зверя. Тот поднялся на задние лапы и пошел мне навстречу, так что голова его очутилась выше моей. Он ударил меня лапой. Я собрался со всеми силами и вонзил ему в горло широкое копье; лев с ревом опрокинулся назад, успев только слегка оцарапать меня. Дико рыча от боли, он сделал два огромных прыжка в воздухе и, ударив передними лапами о копье, упал на землю. Кровь из раны текла ручьем, он постепенно ослабел и ревел, как бык, пока не издох.

Я был молод, стоял и дрожал от страха, хотя всякая опасность миновала.

Пока я стоял и смотрел на мертвое тело того, кто издевался надо мной, и на труп льва, ко мне поспешно подбежала женщина, старая Атуа, которая – я тогда еще не знал этого – пожертвовала своей плотью и кровью, своим внуком ради спасения моей жизни. Старуха собирала на берегу лекарственные травы, в которых она знала толк, не подозревая даже о близости льва. (Действительно, львы по большей части редко встречаются около селений и чаще всего уходят в пустыню и Ливийские горы.) Но издали Атуа видела все, что произошло. Подойдя ко мне, она узнала меня, поклонилась и приветствовала меня, называя царственным юношей, достойным всяких почестей, возлюбленным избранником святых Трех и фараоном-освободителем!

Полагая, что старуха помешалась от страха, я спросил ее, о чем она толкует.

– Разве это такой великий подвиг, что я убил льва? – спросил я. – Стоит ли об этом так много говорить? Были и есть люди, которые убивали львов. Разве божественный Аменкетеп

не убил своей рукой более сотни львов? На скарабее¹⁰, что висит в комнате моего отца, написано, что некогда он сам убивал львов. А другие? Для чего же ты этот вздор городишь, глупая женщина?

По молодости я не придавал особого значения тому, что убил льва, и искренно удивлялся словам Атуи. Но старуха не переставала прославлять меня, называя разными священными именами.

– О царственный отрок! – кричала она. – Справедливо пророчество твоей матери! Истинно Великий Дух осенил ее. Божественный! Исполняется предсказание! Лев рычит в римском Капитолии, умирающий человек – это Птолемей – македонское отродье, рассеянное, как плевелы, по всей стране Нила. Вместе с македонянами и лагидами ты поразишь и римского льва. Но македонская собака постыдно убежит, и римский лев поразит ее, а ты поразишь льва, – и дорогая страна Кеми будет вновь свободна, свободна! Только будь чист, как повелели боги! Ты – сын царственного дома! Надежда Кеми! Берегись только женщины-губительницы, и все сбудется, что я сказала! Я бедна, несчастна и убита горем. Я согрешила, рассказав и открыв великую тайну, и за этот грех дорого заплатила своей плотью и кровью, но ради тебя я охотно отдам все. Во мне уцелела еще мудрость нашего народа, и перед богами все равны. Они не отталкивают от себя бедняков. Божественная мать Изида говорила со мной прошлой ночью, приказала мне собрать лекарственных трав и рассказать тебе все знамения. И все сбудется так, как я сказала, если ты устоишь против великого искушения. Пойди сюда, царственный юноша!

Атуа поставила меня на самом берегу канала, вода которого была глубока и прозрачна.

– Посмотри на это лицо, которое отражается в воде! Разве не достойно это чело двойной царской короны? Разве в этих прекрасных глазах не светится царское величие? Разве творец наш, великий Пта, не для того создал этот стан, чтобы облечь его царской лентой и привлекать взоры людей, которые в лице твоём видят Бога?

Слушай же, слушай! – продолжала старуха уже другим, визгливым, старушечьим голосом. – Не будь глупцом, мальчик, царапина льва – вещь опасная. Она ядовита, как укус змеи, – ее надо лечить, иначе она будет гноиться, ты будешь бредить львами и змеями, царапина превратится в язву. Но я умею помочь, умею. Я не совсем еще глупа. Заметь, все сходится: в безумии заключается мудрость, а в мудрости много безумия. Ля! Ля! Ля!

Сам фараон не сумеет сказать, где начинается одно и где кончается другое. Ну, не гляди же так печально, словно кот в красном платье, как говорят в Александрии. Дай мне положить целебной травы на твою рану, и через шесть дней ты будешь совсем здоров, и кожа твоя будет опять нежна и бела, как у трехлетнего ребенка. Нужды нет, что будет немножко больно, мальчик. Клянусь тем, кто спит в Абуфисе, клянусь Озирисом, от этой царапины не останется и следа, ты будешь чист и здоров, как жертва Изида в новолуние, если позволишь мне приложить этих трав. Не так ли, добрые люди? – обратилась Атуа к многочисленной толпе, собравшейся около нас, пока она пророчествовала. – Я произнесла над ним заговор, который очень помогает моему лечению. Ля! Ля!

Нет ничего лучше заговора. Если вы верите в него, приходите ко мне, когда ваши жены бесплодны. Это будет лучше, чем царапать столбы в храме Озириса, я уверена. Я сделаю их плодовитыми, как двадцатилетние пальмы. Но, видите ли, надо знать заговор, все приходит к своему концу! Ля! Ля!

Слушая все это, я, Гармахис, приложил руку к голове, не зная, брежу ли я или вижу все это во сне, но, оглянувшись кругом, заметил в толпе седоволосого человека, который зорко наблюдал за нами.

¹⁰ Священный жук египтян.

После я узнал, что это был шпион Птолемея, который был послан фараоном вместе с солдатами, чтобы убить меня, когда я лежал еще в колыбели. Мне стало понятно тогда, почему Атуа напускала на себя вид безумной.

– Странный у тебя заговор, старуха, – сказал насмешливо шпион. – Ведь именно ты болтала о фараоне, о двойной короне, о Пта, который создал этого юношу, чтобы носить ее, не так ли?

– Ну да, это только часть моего заговора, глупый человек! Скажи, чем же мне клясться, как не именем божественного фараона Флейтиста, который своей музыкой очаровывает нашу счастливую страну? Как же мне не клясться его двойной короной, которую он носит по милости Александра Македонского? А вот что вы все знаете: вернули ли они хламиду, которую Митридат взял в Косее? Помпеи, не правда ли, носил ее в дни торжества? Помпеи в одежде Александра! Комнатная собачка в львиной шкуре! Говоря о львах, – посмотрите-ка, что сделал этот юноша: убил льва своим копьем! Вы должны быть рады этому, добрые люди, ведь это был ужасный лев. Взгляните на его зубы, на его когти! Какие когти! Такой старой женщине, как я, довольно взглянуть на них, чтобы закричать от страха! А мертвец там, мертвое тело – лев убил его. Увы, он в лоне Озириса теперь. А подумать, час тому назад он был жив, как вы или я! Ну, несите же труп набальзамировать! Он быстро распухнет и разложится от жары; и тогда его нельзя будет резать. Семьдесят дней в щелoke – это все, что ему предстоит. Ля! Ля! Как долго болтает мой язык, а уже темнеет! Уберите же прочь труп бедного мальчика и унесите льва! Ты, мой мальчик, возьми траву, и твоя царапина быстро пройдет. Я знаю кое-что, хотя и безумна, мой милый внучек! Дорогой мой! Я счастлива, что его святость великий жрец усыновил тебя, когда фараон, да благословит Озирис его священное имя, прикончил его собственного сына. Ты глядишь красавцем! Я уверена, что настоящий Гармахис не сумел бы искуснее тебя убить льва! Простая кровь – здоровая и хорошая кровь!

– Ты знаешь слишком много и говоришь слишком скоро! – проворчал совершенно обманутый шпион. – Правда, это – храбрый юноша. Ну, вы, люди, несите труп в Абуфис, а остальные помогите мне содрать шкуру со льва. Мы пришлем тебе эту шкуру, молодой человек, хотя ты и не заслуживаешь этого. Нападать на льва – это безумие, а всякий безумец достоин погибели. Никогда не борись с сильным, пока сам не будешь так же силен!

Я отправился домой, изумленный всем происшедшим.

III

Выговор Аменемхата. – Гармахис молится. – Знамение, посланное великими богами

Пока я, Гармахис, шел домой, сок травы, которую Атуа положила на мои раны, причинял мне жгучую боль, но потом эта боль утихла. Правду говоря, я думаю, что трава эта – замечательное средство, так как через два дня я был совсем здоров, и на моем теле не осталось даже следа царапины. Теперь меня беспокоило только то, что я ослушался приказания великого жреца Аменемхата, которого называл отцом. До настоящего дня я не знал, что он мой родной отец, полагая, что его сын убит и что с согласия богов он усыновил меня и воспитал, приучая прислуживать в храме. Сердце мое было беспокойно, я боялся старика, который был страшен в гневе и говорил со мной холодным голосом мудрости, но, во всяком случае, решил пойти к нему, сознаться в моем непослушании и вынести наказание.

Держа окровавленное копье в руке, с кровавой раной в груди, я прошел наружный двор храма и подошел к двери жилища великого жреца. Это была большая комната, уставленная кругом скульптурными изображениями богов. Днем солнечный свет проникал в нее через отверстие в массивном каменном своде. Ночью же она освещалась висячей бронзовой лампадой. Я бесшумно проскользнул в комнату, благо, дверь была не заперта, приподнял тяжелые занавеси и остановился с сильно бьющимся сердцем.

Лампа освещала комнату, и при свете ее я увидел старика, сидевшего на кресле из слоновой кости и черного дерева перед каменным столом, на котором были разложены мистические письма великих сказаний о жизни и смерти. Старик не читал, а спал. Его длинная белая борода лежала на столе, подобно бороде мертвого человека. Мягкий свет лампы падал на его лицо, на папирусы, на его бритую голову, на белые одеяния, на стоявший около него посох из кедра – знак его жреческого достоинства, на кресло из слоновой кости с ножками в виде львиных лап. Ясно обрисовывался сильный и мощный лоб, царственное величие в резких чертах лица, седые брови и черные впадины глубоко впавших глаз. Мягко поблескивало на его руке золотое кольцо с выгравированными на нем символами невидимого божества. Все остальное было в тени. Я смотрел на него и трепетал; во всей его фигуре было почти божественное величие. Он так долго жил в постоянном общении с богами, так глубоко проник во все тайны божества, которых мы не умеем постичь, что теперь, казалось, приобщился Озирису и заставлял благоговеть перед собой простых смертных. Я стоял и смотрел на него. Вдруг он открыл свои глубокие темные глаза и, не глядя на меня, не поворачивая головы, заговорил:

– Почему ты не послушался меня, сын мой? Как могло случиться, что ты вступил в борьбу со львом, когда я запретил тебе?

– От кого ты узнал это, отец мой? – спросил я, совершенно пораженный.

– Как я знаю это? Разве нет других средств узнать, кроме наших чувств? О, глупое дитя! Разве мой дух не был с тобой, когда лев прыгнул на твоего спутника? Разве я не молился, прося богов защитить тебя и вернее направить твой удар в горло льва? Как ты мог решиться на это, сын мой?

– Хвастун посмеялся надо мной, и я пошел! – ответил я.

– Я знаю это и прощаю тебя ради твоей горячей молодой крови, Гармахис! Слушай меня теперь, и пусть мои слова глубоко вопьются в твое сердце, подобно водам Сигора, разливающимся по горячим пескам при восходе Сириуса¹¹. Слушай же! Хвастун был послан, чтобы испытать тебя, твою силу и твердость, а ты не выдержал искушения. Поэтому час твой отсро-

¹¹ Звезда, с появлением которой совпадает начало разлития Нила.

чен. Если же бы ты отвернулся от искушения и устоял, то путь твой был бы широко открыт перед тобой... Но ты слаб еще, и час твой не пришел еще!

– Я ничего не понимаю, отец мой! – отвечал я в полном недоумении.

– Что сказала тебе старуха Атуа на берегу канала?

Я повторил отцу все, что говорила мне старуха.

– И ты веришь этому, Гармахис, сын мой?

– Нет, – ответил я, – как я могу верить всем этим сказкам? Она, наверное, помешалась. Все считают ее безумной!

Аменемхат в первый раз взглянул на меня, стоявшего в тени.

– Сын мой! Сын мой! – вскричал он. – Ты ошибаешься. Старуха не безумная! Она говорила правду, говорила не от себя, а повинаясь голосу, который не будет лгать. Эта Атуа – пророчица. Узнай же, что боги Египта предназначили тебе исполнить. Горе тебе, если ты уступишь слабости! Слушай: ты вовсе не чужой мне, усыновленный и принятый мной в дом и храм. Ты – мой родной сын, и эта старуха спасла тебя от смерти. Больше того, Гармахис, только в тебе и во мне течет еще царственная кровь Египта. Ты и я, из всех людей, произошли непосредственно от фараона Нектнебфа, которого персиянин Охус выгнал из Египта. Персиянин пришел и ушел, за ним пришел македонянин, и вот уже более трех столетий, как Лагиды-узурпаторы владеют двойной короной, оскверняя страну Кеми и подрывая нашу религию. Заметь теперь: около двух недель, как Птолемей Дионисий, Птолемей Авлет, Флейтист, который хотел убить тебя, умер: евнух Потин, тот самый, который несколько лет тому назад приходил к нам с солдатами фараона, вопреки воле своего господина, покойного Авлета, посадил на трон его сына, мальчика Птолемея. Сестра его, прекрасная и гордая девушка Клеопатра, которой был завещан престол, убежала в Сирию. Если не ошибаюсь, она собирает войска и хочет воевать с братом. Между тем, заметив это, сын мой, римский орел парит в вышине, распустив свои когти и поджидая удобного случая спуститься на жирного барана – Египет, чтобы растерзать его. Народ Египта измучен под иномезным игом, египтяне ненавидят персиян, не могут слышать без злобы гимны македонян, даже на рынках Александрии. Вся страна ропщет и страдает под игом греков, под сенью Рима. Мало ли нас угнетали? Разве не избивались наши дети, не грабились наши богатства в угоду жадности и распутству Лагидов? Разве не были заброшены наши храмы? Разве эти ничтожные греческие болтуны не издевались над величием наших вечных богов, не осмелились смеяться над бессмертной истиной, не называли всевышнее существо другим именем – Сераписа? Разве Египет не скорбит о свободе? Ужели его вопль будет напрасным? В тебе, сын мой, начертан путь к свободе. Тебе я передам мои права. Твое имя уже произносится шепотом в святилищах. Жрецы и народ готовы принести клятву верности тому, кто будет представленным. Но время еще не пришло. Ты, подобно молодому зеленеющему дереву, не вынесешь такой бури. Сегодня тебе было послано испытание, и ты не устоял! Тот, кто служит богам, Гармахис, должен забыть все плотские слабости. Он должен быть равнодушным к насмешкам и похоти. Высока твоя миссия, но ты должен быть достоин ее. Если ты не подготовишься и окажешься слабым, на твою голову падет мое проклятие, проклятие всего Египта, всех оскорбленных египетских богов! Пойми, что сами бессмертные боги в своих мудрых предначертаниях требуют от человека, орудия своих планов, стойкости и храбрости, как от воина с мечом в руке! Горе мечу, ломающемуся в час битвы, ибо он достоин быть брошенным в жертву ржавчине или расплавленным в огне! Пусть сердце твое будет чистым, сильным и великим! Твой удел – не обычный удел всех смертных! Если восторжествуешь, Гармахис, слава твоя будет велика и здесь, на земле, и после смерти! Падешь ты – горе, горе тебе тогда!

Он помолчал, склонив голову, потом снова заговорил:

– О всем этом ты узнаешь после! А пока ты должен многому учиться. Завтра я тебе дам письма, ты поедешь вниз по Нилу, за белостенный Мемфис, в Анну. Там ты пробудешь несколько лет и будешь изучать нашу древнюю мудрость под сенью таинственных пирамид, при

которых будешь состоять в качестве наследственного великого жреца. Тем временем я останусь здесь и буду ждать, так как час мой еще не пробил. С помощью богов я буду плести паутину смерти, в которую ты поймашь македонскую осу. Подойди, мой сын, подойди и поцелуй меня в лоб. В тебе – вся моя надежда, надежда всего Египта. Будь верен правде, воспарь с мужеством орла над превратностями судьбы – и ты будешь велик и славен! Если же предашься лжи и падешь, я плюну на тебя, и ты будешь проклят, а дух твой останется в рабстве до тех пор, пока не настанет день, печаль превратится в радость, и Египет почувствует себя свободным!

Весь дрожа, я подошел к отцу и поцеловал его в лоб.

– Пусть самое тяжкое проклятие падет на меня, – сказал я, – если я обману тебя и окажусь слабым, отец мой!

– Нет, не мое, нет, – вскричал он, – но тех, кому я служу и повинуюсь! Иди, мой сын, и береги мои слова в глубочайших тайниках своего сердца! Замечай все, что увидишь, собирай росу мудрости, будь всегда готов к борьбе. Не бойся за себя, ты защищен от всего. Ничто не может повредить тебе, только ты сам можешь сделаться врагом самому себе и погубить себя. Иди. Я все сказал!

Я ушел с переполненным сердцем. Ночь была тиха. Ни малейшего движения не замечалось в дворах храма. Я прошел по ним и достиг входа в портик у наружных ворот храма. Я жаждал уединения, стремился к небу, быстро взбежал двести ступенек и очутился на массивной кровле портика, здесь прижался к парапету и засмотрелся вдаль. Полный месяц выплыл над холмами Аравии; лучи его озарили портик, где я стоял, стену храма позади меня и неподвижные изваяния богов. Холодный свет луны упал на далеко простирающиеся обработанные поля. Небесная лампада Изида загорелась на небе, и лучи ее ласково скользнули вниз, в долину, где Сигор, отец страны Кеми, медленно катит свои волны к морю. Яркие лучи нежно поцеловали воду, которая улыбнулась им в ответ; и горы, и долина, река, храм, город, степь – все это залилось ярким светом. Божественная мать Изида проснулась и облекла землю в блестящее, нарядное платье. Это была красота, не успевшая еще разогнать сладкой дремоты, торжественная и тихая, словно в час смерти. Мощно высились храмы перед лицом ночи. Никогда они не казались мне столь величественными, как в этот час, – эти вечные алтари божества, перед которыми вся жизнь кажется жалкой и ничтожной. Мне предназначено было править этой залитой бледными лучами луны страной. На мою долю выпала честь охранять эти священные алтари, оберегать честь богов. Я должен изгнать Птолемеев и освободить Египет от чужеземного ига!

В моих жилах текла кровь великих фараонов, которые мирно спали в своих гробницах в долине Фив, ожидая страшного судного дня. Душа моя переполнилась, когда я мечтал о моей великой, славной участи. Я сложил руки и тут же, на крыше портика, начал молиться так горячо, как никогда не молился после, вызывая к Тому, Кого называют многими именами, Кто проявляет себя в разных формах.

– О Вечная Истина, – молился я, – Бог богов, Который был от начала веков, Бог истины, дающий всему жизнь, около Которого вращаются все божества, саморожденный и пребывающий вовек, услышь меня! Услышь! О Озирис, повелитель стран и ветров, правитель веков, властитель запада, владыка Аменти, услышь меня! О Изида, великая, божественная мать, мать Хора! Таинственная мать, сестра, супруга! Услышь меня! Если я действительно избран Богом для выполнения Его предначертаний, дайте мне знамение сейчас, чтобы навеки запечатлеть мою жизнь небесной милостью. Прикоснитесь до меня, о боги, и покажите мне славу и сияние лица вашего! Услышьте, услышьте меня!

Я опустил на колени и поднял глаза к небу. Вдруг облако закрыло месяц, стало темно, воцарилась глубокая тишина. Даже собаки перестали выть в городе. Тишина становилась все томительнее. Стало тяжело, как в присутствии смерти. Я чувствовал, что душа моя готова была вырваться из тела, и волосы шевелились на голове. Потом мне показалось, что крепкий портик обрушился подо мной, сильный ветер подул мне в лицо, и чей-то голос проник в мое сердце.

– Смотри, вот знамение! Приучайся терпеливо владеть собой, Гармахис!

Когда голос произнес эти слова, холодная рука коснулась меня, вложив что-то в мою руку. Облако исчезло, снова засияла луна, ветер прекратился, портик не колебался больше подо мной, и ночь снова вступила в свои права.

При свете месяца я мог рассмотреть, что осталось в моей руке. Это был дивный распускающийся бутон священного лотоса, от которого исходило чудное благоухание.

Пока я разглядывал его, лотос упал из моей руки и исчез, оставив меня в полном удивлении.

IV

Ответ Гармахиса и его встреча с дядей Сепа, великим жрецом Аннуель-ра. – Его жизнь в Анну и слова Сепы

Рано утром на следующий день меня разбудил жрец храма и передал мне приказание готовиться к путешествию, о котором говорил мой отец. Я должен был отправиться в греческий Гелиополь с жрецами храма Пта в Мемфис. Они пришли в Абуфис, чтобы положить в гробницу одного из своих великих людей, и эта гробница была приготовлена недалеко от места упокоения священного Озириса.

Я скоро приготовился к отъезду и в тот же самый вечер получил от отца письмо, простился с ним и со всем, что было мне дорого в Абуфисе, поплыл вниз по течению. Когда кормчий наш, стоя на корме с жезлом в руке, приказал матросам убрать сходни, соединявшие корабль с берегом, к нам быстро подбежала старуха Атуа с корзиной трав в руке, пожелала мне благополучного пути и бросила нам вслед, на счастье, сандалию. Эту сандалию я берег много лет.

Мы отправились. Шесть дней мы плыли по дивной реке, останавливаясь на ночь в укромном месте. Когда очутился один, далеко от родных, от родины, которой я привык любоваться с детства, среди чужих людей, мне сделалось так грустно и тяжело, что я готов был заплакать, если бы не стыдился окружающих. Дивная природа, разнообразные впечатления – все это было так ново для меня, но я не хочу описывать это теперь. Жрецы, сопровождавшие меня, относились ко мне с уважением и поясняли все, что встречалось на пути.

Утром, на седьмой день, мы прибыли в Мемфис, в город Белой Стены. Здесь я целых три дня отдыхал от путешествия, беседовал с жрецами чудного храма Пта, Бога-Создателя, и любовался красотой большого и роскошного города. Великий жрец и с ним два других тайным образом доставили мне возможность лицезреть самого бога Ациса, который удостоивает людей жить среди них в виде черного быка с белым четырехугольником на лбу. На спине быка был белый знак, похожий на орла, хвост состоял из двойного ряда волос, под языком находилось что-то похожее на скарабея, а между рогами висела дощечка из чистого золота. Я вошел в обиталище Бога и преклонился перед ним, пока великий жрец и с ним другие стояли в стороне, наблюдая за мной. Когда я помолился, бог Ацис опустился на землю и лег передо мной. Тогда великий жрец и другие присутствовавшие, как я узнал после, великие мужи из Верхнего Египта, крайне удивленные, подошли ко мне и принесли мне клятву верности.

Много других вещей я видел в Мемфисе, о которых долго и говорить здесь.

На четвертый день жрецы из Анну повели меня к Сепе, моему дяде, великому жрецу при храме Анну. Простившись с Мемфисом, мы переплыли реку, сели на ослов и целых два дня ехали через деревушки, где царствовала страшная нищета благодаря притеснениям сборщиков податей. На пути я увидел в первый раз величайшие пирамиды, сфинкса, которого греки называли Гармахисом, храмы божественной матери Изиды, царицы Мемнонии, бога Озириса, повелителя Розету. При этих храмах, вместе с храмом почитателя божественного Менкау-ра, я, Гармахис, по божественному праву состою наследственным великим жрецом. Я смотрел и удивлялся их величию, белому резному известняку, красному сионскому граниту, на котором отражались солнечные лучи. В это время я еще ничего не знал о сокровищах, сокрытых в третьей пирамиде Гер, и лучше бы было, если б я никогда в своей жизни не узнал этого!

Наконец мы добрались до Анну, который после Мемфиса кажется небольшим городом, но стоит на возвышении. Перед городом много озер, питаемых каналом, позади – огороженное поле при храме бога Ра. Мы сошли близ портика и были встречены человеком небольшого

роста, благородной наружности, с гладко выбритой головой и темными глазами, сиявшими, как звезды.

– Стой! – закричал он громким голосом, который потряс все его слабое тело. – Стой! Я – Сеп, отверзающий уста богов!

– А я – Гармахис, – отвечал я, – сын Аменемхата, наследственного великого жреца и правителя священного города Абуфиса. Я привез тебе письмо, о Сеп!

– Войди! – сказал он, пронизывая меня своим сверкающим взглядом, и ввел меня во внутреннюю комнату, затем, заперев дверь и пробежав привезенное мною письмо, внезапно бросился мне на шею и расцеловал меня.

– Добро пожаловать, – кричал он, – добро пожаловать! Сын сестры моей, надежда Кеми! Моя молитва услышана Богом! Я дождался до этой минуты, когда могу видеть тебя и передать тебе мудрость, которой, быть может, обладаю я, один из всех живущих в Египте. Немного есть людей, которых по праву я мог бы научить этой мудрости. Это великий удел, и твои уши услышат уроки богов!

Он снова обнял меня и послал помыться и закусить, добавляя, что завтра он поговорит со мной побольше.

Действительно, много великих истин я слышал от него и на другой день, и после, и если бы вздумал записывать их, то не хватило бы папируса в Египте, чтобы выполнить мою задачу. Мне же надо так много сказать, и времени остается так мало, что я пропускаю все последующие события.

Жизнь моя сложилась следующим образом. Я вставал рано, шел в храм и посвящал целые дни науке. Я изучал религиозные обычаи, основу религии, начало богов и высшего мира, изучал таинственные движения небесных звезд и вращение земли около них. Мне объясняли древнюю науку, называемую магией, искусство толкования снов и способы общения с богами. Я был посвящен в язык символов, в его сокровенные тайны, познал вечные законы добра и зла и тайну веры, поддерживающей человека, изучил тайны пирамид, которые бы мне лучше никогда не знать. Потом читал летописи прошлого, деяния древних царей, которые правили страной со времен Хора. Изучал искусство государственного правления, историю Греции и Рима. Научился греческому и римскому языку, о которых имел понятие и раньше. В течение всего этого времени, пяти долгих лет, руки мои были не запятнаны и сердце чисто, я не делал зла ни перед лицом богов, ни перед людьми. Я работал усердно, готовясь к моему высокому назначению.

Два раза в год приходили письма от моего отца Аменемхата, и дважды в год я посылал ему ответ, спрашивая, не пришло ли время окончить мое учение? Срок моего искуса приближался к концу. Я начал скучать, так как возмужал вполне; многому научился и стремился начать настоящую жизнь зрелого мужа. Часто в мою душу западало сомнение в пророчестве. Не было ли это бредом ума людей, забежавших вперед? Я знал наверное, что в моих жилах течет царственная кровь. Мой дядя Сеп, жрец, показал мне тайну происхождения нашего рода, родословный список, выгравированный мистическими символами на доске из сионского камня. Но какой толк в том, что я происхожу из царственного рода, когда Египет, мое наследство, был в рабстве, в порабощении у македонян Лагидов, служил их страсти к роскоши и сластолюбию? Долго тянулось это рабство. Сумеет ли Египет забыть тяжелое иго, отбросить подобострастную улыбку раба и взглянуть на мир счастливыми очами свободы?

Мне припомнилась моя молитва на портике и ответ, данный мне богами, и удивление, охватившее меня тогда, и я решил, что все это было бредом, мечтой.

Однажды ночью, желая отдохнуть от занятий, я гулял по священной роще, в саду храма, как вдруг встретился с дядей Сепом.

– Стой! – закричал он громко. – Почему твое лицо так печально, Гармахис? Разве ты не мог справиться с последней задачей, которую изучал?

– Нет, дядя, – ответил я, – задача легко далась мне. Но я устал, у меня тяжело на сердце, я измучился от такой жизни: все эти занятия отягчают меня. Какой толк изучать все это, не прилагая к делу?

– У тебя мало терпения, Гармахис, – ответил Сеп. – В тебе говорит безумие юности. Ты хочешь борьбы, тебе надоело ждать, пока волны разобьются о берег, тебе хотелось бы погрузиться и вступить в отчаянный бой с бурей! Ты этого хочешь, Гармахис? Птенцы улетают из гнезда, когда подрастут, ласточки покидают карнизы старого храма. Хорошо, твое желание исполнится, час твой близок. Я научил тебя всему, что знал, и думаю, что ученик превзошел учителя!

Сеп замолчал и вытер слезы на своих черных глазах: видимо, старику было тяжело расстаться со мной.

– Куда же я отправлюсь, дядя, – спросил я, обрадовавшись, – назад в Абуфис, чтобы быть посвященным в таинство богов?

– Да, обратно в Абуфис, оттуда – в Александрию, а из Александрии на трон твоих предков. Гармахис, выслушай меня теперь! Ты знаешь, что царица Клеопатра бежала в Сирию, когда лживый евнух Потин против воли усопшего фараона Авлета посадил на престол Египта ее брата Птолемея. Ты знаешь, что она вернулась обратно, как настоящая царица, с сильной армией и остановилась у Пелузия. Величайший из мужей, могущественный цезарь в это время прибыл с небольшим количеством людей в Александрию, преследуя Помпея. Но Помпей уже умер, убитый изменнически Ахиллом и Люцием Септимом, начальником римских легионов в Египте. Ты знаешь, как испугались александрийцы его прибытия и хотели убить ликторов. Ты, наверное, тоже слышал, что цезарь велел схватить Птолемея, молодого царя, его сестру Арсиною и приказал войску Клеопатры и Птолемея разойтись, не вступая в бой. В ответ Ахилл пошел на цезаря и осадил его при Брухиуме, близ Александрии; никто не знает теперь, кто вступит на престол Египта. Тогда Клеопатра придумала ловкую хитрость, необычайно смелую вещь. Оставив войска у Пелузия, она пришла в сумерки в александрийскую гавань одна, в сопровождении сицилийца Аполлодора, переплыла реку и высадилась на берег. Аполлодор закатал ее в тюк богатейших сирийских ковров и послал в подарок цезарю. Когда во дворце развязали ковры – там оказалась прелестнейшая девушка, мудрейшая и образованнейшая на земле. Она сумела очаровать цезаря, который, несмотря на свой почтенный возраст, не устоял против ее чар. Результатом этой страсти получилось то, что он забыл все, опозорил себя и свою жизнь, озаренную славой прошлых военных подвигов.

– Безумец! – прервал я дядю. – Безумец! Ты называешь его великим? Может ли великий человек не устоять против чар женщины? Цезарь, державший в своей власти целый мир! Цезарь, по одному мановению руки которого сорок легионов солдат шли в поход, играя судьбами народов! Цезарь, холодный, дальновидный герой! Подобно зрелому плоду, упал этот великий цезарь в объятия коварной женщины. В сущности, из какого же простого теста сделан этот цезарь! Как это прискорбно.

Сеп посмотрел на меня и покачал головой:

– Не спеши, Гармахис, не будь так горд! Разве ты не знаешь, что между кольцами самой прочной кольчуги бывает свободный промежуток, и горе тому, кого ударит меч в незащищенное место! Женщина, сын мой, при всей своей слабости – сильнейшее существо на земле. Она управляет миром, принимает разные формы, стучится во многие двери; она спокойна и терпелива, не поддается страсти, как мужчина, владеет собой отлично. Свои желания и страсти она направляет умелой рукой, как послушного коня, то натягивая, то отпуская поводья. У нее орлиный взор полководца, и крепка та твердыня сердца, куда она не сумеет проникнуть! Разве не кипит молодая кровь юноши! Женщина предупредит молодые порывы, засыплет его поцелуями. Если ты честолюбив, она проникнет в тайники твоего сердца и укажет путь к славе. Если ты устал и измучен, то найдешь покой на ее груди. Если ты пал, она поддержит тебя и

ободрит, позолотит и смягчит твоё падение. О Гармахис, женщина всесильна, так как природа на её стороне! Женщина правит миром. Ради неё ведутся войны, люди тратят силы и расточают богатства, ради неё они делают много добра и зла, стремятся к величию, ищут забвения. А женщина смотрит на все это, улыбаясь, как сфинкс, и никто не разгадал ещё её загадочной улыбки, никто не знает тайников её сердца! Не смейся, нет, не смейся, Гармахис! Поистине велик тот человек, кто может презирать женщину и её силу. Как воздух, она охватывает человека со всех сторон, и часто её сила проявляется там, где меньше всего можно ожидать её!

Я громко засмеялся.

– Ты говоришь серьёзно, дядя Сеп, – сказал я, – можно подумать, что ты прошёл неведимым через этот огонь искушения! Что касается меня, я не боюсь женщины и её желаний. Я ничего не знаю о ней и не хочу знать, но утверждаю, что цезарь был безумен. Если бы я был на месте цезаря, я вышвырнул бы эти ковры вместе с той, которая была закутана в них, вон из дворца, прямо в уличную грязь!

– Перестань, перестань! – кричал Сеп. – Нехорошо говорить так! Да отвратят от тебя боги всякое дурное предзнаменование и да помогут тебе сохранить твою молодую силу, которой ты хвалишься! О юноша, ничего ты ещё не знаешь! Со всей твоей силой и чудной красотой, во всеоружии твоих познаний, со всей сладостью речи – ты ничего не ведаешь! Мир, в который ты должен вступить, не похож на святилище богини Изиды. Молись, чтобы лёд твоего сердца никогда не растаял, тогда ты будешь велик и счастлив и освободишь Египет. А теперь дай мне досказать! Ты видишь, Гармахис, в этой истории первое место занимает женщина. Юный Птолемей, брат Клеопатры, отпущенный цезарем на свободу, изменнически обратился на него. Тогда цезарь и Митридат напали на лагерь Птолемея, который убежал, пытаясь переплыть через реку. Но лодка, переполненная беглецами, затонула. Таков был жалкий конец Птолемея.

Война была окончена. Клеопатра родила цезарю сына Цезариона. Цезарь назначил на царство младшего Птолемея вместе с Клеопатрой, соединив их супружеством, конечно, только по имени, а сам уехал в Рим, увозя с собой прекрасную принцессу Арсиною, которая должна была сопровождать его триумфальную колесницу, закованная в цепи.

Теперь великого цезаря нет в живых: он умер, как жил, пролив кровь во всем царственном величии! Клеопатра же, царица, если верить слухам, отравила Птолемея, своего брата и супруга, и посадила с собой на престол своего сына Цезариона. Её поддерживают римские легионы, а молодой Секст Помпей наследовал её любовь после цезаря.

Но, Гармахис, вся страна ропщет и возмущается против неё. В каждом городе Кеми толкуют об объявившемся освободителе, и этот освободитель – ты, Гармахис! Время настало! Час твой близится! Возвращайся в Абуфис, познай тайну богов и познакомься с теми, кто будет руководить восстанием. Действуй, действуй, Гармахис, борись за страну Кеми, очисти страну от греков и римлян и садись на трон божественных предков! Будь царем и владыкой мира! Для этого ты рожден и живешь!

V

Возвращение Гармахиса в Абуфис. – Совершение мистерии. – Гимн Изиде. – Предостережение Аменемхата

На следующий день я простился с дядей Сепи и с легким сердцем отправился из Анну в Абуфис. Короче говоря, я вернулся в полном здравии и благополучии из моей отлучки, продолжавшейся пять лет и один месяц, вернулся уже не мальчиком, а мужчиной, с умом, развитым науками и изучением древней египетской мудрости, с некоторым знанием людей. Я снова увидел родную страну, знакомые лица, хотя многие из них свершили свой земной путь и переселились к Озирису. Проезжая через поля, я подъезжал к ограде храма, из которого выходили жрецы и народ. Все они радостно приветствовали меня, вместе со старой Атуей, которая, кроме нескольких морщин на лбу, наложенных временем, нисколько не изменилась, оставаясь той же старой Атуей, которая несколько лет тому назад прощалась со мной, бросив мне вслед сандалию.

– Ля! Ля! Ля! – кричала она. – Ты вернулся, мой прекрасный юноша! Красивее, чем был! Ля! Ля! Настоящий мужчина! Какие плечи! Какое лицо! Какой стан! Честь и слава старухе, которая тебя вынянчила! Отчего ты так бледен?

Наверное, жрецы в Анну морили тебя голодом? Нет, не истощай себя! Боги не любят скелетов. «При тощем желудке – тощая голова!» – говорят в Александрии. Для нас это счастливая минута, радостный день! Иди же, иди!

Она крепко обняла меня, но я оттолкнул ее.

– Мой отец! Где мой отец? – вскричал я. – Я не вижу его!

– Нет, нет, не бойся! – отвечала она. – Его святость чувствует себя прекрасно. Он ждет тебя в своей комнате. Проходи же. О счастливый день! О счастливый Абуфис!

Я пошел, вернее, побежал и скоро достиг комнаты великого жреца. За столом сидел мой отец, Аменемхат, мало изменившийся, хотя постаревший. Я подошел к нему, опустился на колени и поцеловал его руку. Он благословил меня.

– Взгляни на меня, сын мой, – сказал отец, – дай моим старым глазам рассмотреть твое лицо, чтобы прочесть в твоём сердце!

Я поднял голову, и отец долго и серьезно смотрел на меня.

– Я знаю все, – произнес он медленно, – ты чист сердцем и силен в мудрости, я не обманулся в тебе. О, как медленно и грустно тянулись годы, но я хорошо сделал, что услал тебя отсюда! Теперь расскажи мне о своей жизни, письма ничего не сказали мне, а ты еще не знаешь, мой сын, как тоскует отцовское сердце!

Я рассказал ему все. Мы просидели долго, за полночь, в беседе. В конце концов отец сказал мне, что я должен готовиться к посвящению в мистерии, которые должны быть известны избранныкам богов.

В продолжение трех месяцев я и готовился к ним, согласно священным обычаям страны. Я не ел месяц, постоянно находился в святилище, изучая тайны великого жертвоприношения и священной матери богов, молясь перед алтарями. Душа моя стремилась к Богу, и в грезах я приобщался Невидимому, пока земля и все земные страсти и желания совершенно не забылись мной. Я не желал более мирской славы; мое сердце, подобно орлу, парило в вышине, голос мира не находил во мне отклика, и зрелище земной красоты не восхищало его. Надо мной простирался огромный небесный свод, по которому двигались неизменные процессии звезд, равнодушно смотря вниз на жалкие судьбы людей, где восседал на сияющем престоле Бог, созерцая колесницу судьбы, катившейся из сферы в сферу.

О великие часы священного созерцания! Кто может, вкусив вашу прелесть, снова мыкаться на земле? О порочная плоть, влекущая нас в бездну! Я хотел бы совершенно уничтожить тебя, чтобы дух мой свободно искал Озириса!

Месяцы искуса быстро пролетели. Близился священный день, когда я должен был соединиться с всеобщей Матерью. Никогда ночь не ждала так страстно рассвета, никогда сердце влюбленного не ждало так нетерпеливо прибытия невесты, как я жаждал лицезреть твой сияющий лик, о Изида! Даже теперь, когда я вероломно изменил тебе и ты отвернулась от меня, Божественная, моя душа рвется к тебе, и я знаю... Но я не должен, не могу говорить об этом и буду продолжать свою историю.

Семь дней продолжался праздник, вспоминались страдания Озириса, вспоминалась печаль матери Изиды и славное пришествие Хора, сына мстителя, от бога рожденного.

Все это исполнялось согласно древним обычаям. Лодки плавали по священному озеру, жрецы бичевали себя перед святилищами, и священные изображения до поздней ночи носились по улицам. На седьмой день, когда солнце закатилось, еще раз собралась большая процессия воспеть печали Изиды и искупление греха.

Молча шли мы из храма по городским улицам. Впереди шли слуги, расчищавшие нам путь, потом мой отец Аменемхат во всем своем жреческом одеянии, с кедровым посохом в руке. Я, неофит, шел за ним, одетый в чистую полотняную одежду, за мной жрецы в белых одеждах, с священными знаменами и эмблемами богов. Потом несли священную лодку, и шли певцы и плакальщики. Всюду, куда падал взор, шли толпы народа, одетого в траур по Озирису.

В молчании прошли мы улицы, достигли стены храма и вошли в него. Как только мой отец, великий жрец, вошел под ворота наружного портика, нежный женский голос начал петь священный гимн: «Воспоем смерть Озириса, поплачем над его поникшей головой! Свет мира погас, и мир покрылся мрачной скорбью! Звезды небесные скрылись в беспросветной мгле! Изида горько оплакивает Озириса! Плачьте вы, звезды, огни, реки, рыдайте горько, дети Нила, оплакивайте смерть вашего господина!»

Певцы остановились на высокой нежной ноте. Толпа же запела печальный припев:

«Мягко, мерною стопою вступим мы в святилище! Нежно взовем к усопшему: вернись, вернись к нам, Озирис, из холодного царства смерти! Вернись к тем, кто чтит память твою и воздаст тебе поклонение от века!»

Певица снова начала: «Мы идем в храм через семь переходов священных, и эхо вторит нашему плачу, неся жалобные звуки в тот далекий мир, в нетленные обители, где плачут священные сестры Изида и Нефтида над беспробудно уснувшим Озирисом!»

Хор повторил припев, и снова зазвучал серебристый голос певицы: «Обитающий на западе, возлюбленный, владыка мира! Твоя любимая сестра Изида зовет тебя сюда! Возвратись к нам из мрачной обители, повелитель солнца, озари наш темный мир своим лучезарным блеском! Вернись к нам! Пусть воспарит твой дух, свободный от тлена смерти, в небесной высоте и, приветствуемый светилами, вернется к нам! За тобой проснутся от смерти и оживут горы, долины, страны и небеса и воздадут хвалу тебе! Восстань, вернись к нам, властитель Озирис!»

Хор вторил припев. Певица запела радостным и звонким голосом:

«Он проснулся и освободился от смерти! Воспоем восставшего Озириса, воспоем светлое дитя священного Пота! Твоя любовь, Изида, ждет тебя! Дыхание любви несется над тобою! Ты, мрачный Тифон, уходи, лети прочь! День осуждения близок! Как огненная стрела, исчезнет Хор с небесной высоты!»

Еще раз, когда мы все склонились пред святыней, светлые, радостные звуки понеслись к сводам. Певица запела гимн Озирису, песнь надежды и победы. Сердце трепетно забилося в груди. В тишине храма дивно звучала чудная мелодия.

«Воспоем священных Трех, воспоем и восхвалим Властителя миров на престол, источника истины и мира, и преклонимся перед ним! Исчезли мрачные тени, воспрянули усталые

крылья! Возрадуемся мы, слуги повелителя нашего! Мстительный Хор исчез – лучезарный свет воцарился!»

Тысячи голосов подхватили припев. Пение кончилось. Солнце близилось к закату. Великий жрец поднял статую живого бога и держал его перед народом, собравшимся на дворе храма. Раздался могучий, радостный клик: «Озирис, наша надежда! Озирис! Озирис!»

Народ сорвал с себя траурное одеяние и остался в надетой снизу белой одежде и как один человек преклонился перед Озирисом. Праздник кончился.

Но для меня церемония только еще начиналась, так как наступающая ночь была ночью моего посвящения.

Покинув внутренний двор, я вымылся, оделся в чистую полотняную одежду и прошел, по обычаю, во внутреннее святилище, где возложил обычную жертву на алтарь. Подняв руки к небу, я оставался в продолжение нескольких часов в немом созерцании, стараясь молитвой и размышлением собрать все силы к страшной минуте моего испытания.

Часы медленно проходили в тишине храма, пока не отворилась дверь, в которую вошел мой отец, Аменемхат, великий жрец, в белом одеянии, ведя за руку жреца Изиды. Будучи женат, жрец не имел права входить один в таинственное святилище божественной Изиды.

Я поднялся на ноги и скромно стоял перед ними.

– Готов ли ты? – спросил жрец, поднимая лампаду, которую он держал в руке, и освещая мое лицо. – О ты, избранник богов, готов ли ты лицезреть славу божественного лица?

– Готов! – отвечал я.

– Подумай! – сказал он снова торжественным тоном. – Это великая вещь. Если ты хочешь исполнить последнее желание, пойми, царственный Гармахис, что в эту ночь твоя плоть должна умереть, а твой дух устремиться ввысь. И если что-нибудь дурное и злое найдется в твоём сердце, когда ты предстанешь перед божеством, горе тебе, Гармахис, тогда, ибо дыхание жизни покинет тебя, твоё тело погибнет, а что случится с остальной частью твоего существа, я знаю, но не могу сказать¹². Чист ли ты и свободен от греховных мыслей? Готов ли ты вступить в лоно богини, той, которая была, есть и пребудет вечно, и исполнять во всем её божественную волю? Готов ли ты ради неё отбросить всякую мысль о земной женщине и трудиться для её слова, пока твоя жизнь не сольётся с её вечной жизнью?

– Готов! – повторил я.

– Хорошо, – сказал жрец. – Благородный Аменемхат, мы пойдем одни!

– Прощай, сын мой! – сказал мне отец. – Будь тверд и восторжествуй над духовным миром, как восторжествовал над земным. Тот, кому суждено править миром, должен возвыситься над ним! Он должен приобщиться Богу и для этого должен изучить тайны Божества. Будь осторожен! Боги много требуют от того, кто дерзает вступить в круг их божественной славы. Если смертный, вступивший туда, уйдет назад, он будет осужден навеки и бичуем и наказан строго, ибо как велика была его слава, так же велик будет его позор! Будь силен сердцем, царственный Гармахис! Помни, что кому много дано, с того много и спросится! А теперь, если ты твердо решил, иди, куда мне не дано еще следовать за тобой. Прощай!

На минуту эти серьезные слова поколебали меня. Но я страстно желал быть приобщенным к божествам, не чувствовал в себе зла и так горячо жаждал истины.

– Веди меня! – вскричал я громким голосом. – Веди меня, священный жрец! Я последую за тобой!

И мы пошли.

¹² По египетской религии существо человека состоит из четырех частей: тела, двойного или звездного вида, души и светоча жизни от божества.

VI

Посвящение Гармахиса. – Его видения. – Гармахис идет в город, находящийся в Долине Смерти. – Явление Изиды. – Посланницы

Молча вошли мы в гробницу Изиды. Там было темно и пусто, только слабый свет лампы мерцал на украшенных скульптурой стенах, где в сотне изображений повторялась священная мать, кормившая грудью священное дитя.

Жрец запер двери и задвинул засов.

– Еще раз спрашиваю тебя, – сказал он, – готов ли ты, Гармахис?

– Еще раз, – ответил я, – я готов!

Он не сказал более ни слова, но, подняв с молитвой руки, повел меня в центр святилища и быстрым движением погасил лампаду.

– Смотри перед собой, Гармахис! – воскликнул он, и голос его глухо звучал в торжественной тишине святилища.

Я вглядывался, но не видел ничего. Вдруг из высокой ниши в стене, где был скрыт священный символ богини, донесся до меня звук систры¹³. Я слушал, смотрел, пораженный. В темноте ясно выступили огненные очертания символа богини. Он висел над моей головой и звенел.

Я ясно увидел лицо матери Изиды, начертанное на одной его стороне, символ бесконечного рождения, а на другой стороне – лицо ее священной сестры, Нефтиды, означающее конец рождения в смерти.

Медленно повернулся символ и зазвенел, словно кто-то таинственный исполнял танец в воздухе надо мной и держал его в руке. Наконец свет погас и звуки прекратились. Затем в южном конце святилища вспыхнул свет, и в этом белом свете появился передо мной ряд картин.

Я увидел древний Нил, катящий свои волны к морю. Его берега были пустынные, не было ни людей, ни храмов, только дикие птицы носились над Сигором, и чудовищные звери кишели в его водах. Солнце во всем величии закатывалось позади Ливийской пустыни, окрашивая воду цветом крови. Горы молчаливо тянулись к небу. Но в горах, пустыне и на реке не было и признака человеческой жизни. Я понял, что вижу картину мира, каким он был до человека, и ужас одиночества проник в мою душу.

Картина исчезла, на ее месте появилась другая. Я снова видел берега Сигора, на которых толпились создания с дикими лицами, скорее обезьяны, чем люди. Они дрались и убивали друг друга, поджигая дома. Дикие птицы с ужасом улетали, когда пламя вырывалось из жилищ, сожженных и разграбленных. Они воровали, убивали, разбивая головы младенцев каменными секирами. И хотя никто не говорил мне этого, я понял, что вижу человека, каким он был десятки тысяч лет назад, его первые шаги на земле.

Но вот появилась иная картина – опять берега Сигора, на которых, подобно цветам, выросли красивые города. В ворота и из ворот идут женщины, мужчины, некоторые направляются к хорошо обработанным полям. Но я не видел ни стражи, ни оружия, ни армии. Повсюду царствовал мир, благоденствие и мудрость. Пока я смотрел, победоносная фигура, одежды которой горели, как пламя, вышла из ворот храма. Звуки музыки сопровождали ее. Она села на трон из слоновой кости, поставленный на рыночной площади, лицом к воде. Когда закатилось солнце, она призвала всех к молитве, и все молились в один голос с видом глубокого благоговения. Я понял, что это царство богов на земле, существовавшее задолго до дней Менеса.

¹³ Музыкальный инструмент, посвященный богине Изиде.

Картина снова изменилась. Тот же самый прекрасный город, но другие люди – злоба и жадность рисовались на их лицах! Они ненавидят правду и стремятся к греху. Наступил вечер. Светлая фигура взошла на трон и позвала всех к молитве. Никто не хотел молиться.

– Ты надоела нам! – кричали они. – Злое создание! Убьем его, убьем! Уничтожим его козни!

Светоносная фигура поднялась, кротко взглянув на людей.

– Вы не знаете сами, чего хотите! – прозвучал кроткий голос. – Пусть будет, как вы хотите! Я умру, после мук и долгих страданий вы найдете путь к царству правды и божества!

Пока он говорил, отвратительное на вид, безобразное чудовище набросилось на фигуру, убило ее, разорвав на части, и среди приветственных кликов толпы воссело на трон и начало править. Тогда дух, лицо которого было закрыто, спустился на крыльях тени с неба и с рыданием собрал растерзанные остатки бытия.

На одно мгновение дух склонился над убитым, поднял руки и заплакал. И вдруг около него появился вооруженный воин с лицом, похожим на лик бога Ра. Мститель с криком бросился на чудовище, захватившее трон. Они начали борьбу и, сжимая друг друга, поднялись к небесам.

Картина следовала за картиной. Я видел могущество и народы, одетые в разнообразные одежды, говорящие на разных языках... Видел, как они проходили миллионами, любя, ненавидя, борясь и умирая. Немногие были счастливы, горе запечатлелось на лицах людей. На многих лежала печать труда и терпения. И пока они проходили, минуя века, в высоте небесной над ними мститель продолжал свою борьбу со злом; победа склонялась то на одну, то на другую сторону. Никто не победил, но мне дано было понять, чем кончится борьба. Я понял, что это было священное видение борьбы добра с могуществом зла. Понял, что человек сотворен порочным, но богижалились над ним и помогли ему сделаться добродетельным и счастливым, так как добродетель и счастье – нераздельны. Но человек снова вернулся на путь порока, и божественное существо, которое мы называем Озирисом, называемое также многими другими именами, пожертвовало собой, чтобы искупить злые деяния племени, свергнувшего его с трона. От него и божественной матери, которая олицетворяет собой всю природу, произошел наш дух – покровитель на земле, как Озирис – наш покровитель в Аменти. Такова мистерия Озириса.

Видения пояснили мне все. Словно завеса упала с глаз моих, и я понял тайну жертвоприношения. Картины исчезли. Жрец заговорил со мной.

– Понял ли ты, Гармахис, то, что дано было видеть тебе?

– Понял! – ответил я. – Кончены ли обряды?

– Нет, только еще начинаются! То, что последует, ты должен перенести один. Я покину тебя и вернусь только на рассвете. Еще раз предупреждаю тебя. То, что ты увидишь, не многие в силах видеть и остаться в живых. Во всю свою жизнь я видел только троих, которые дерзнули пережить этот страшный час, и то один из троих был найден мертвым. Я сам не рискнул на это: это слишком возвышенно для меня!

– Уходи, – сказал я, – душа моя жаждет познаний! Я решился!

Он возложил руки мне на голову, благословил меня и ушел. Я слышал, как закрылась за ним дверь и звук его шагов замер вдали; я остался один, один в священном месте, лицом к лицу с божеством. Глубокая тишина и мрак окружали меня. Эта тишина охватывала и окутывала меня, как облако, которое закрыло собой месяц в ту ночь, когда я молился на портике храма.

Мрак надвигался все гуще и плотнее, пока не проник в мое сердце и не закричал там страшными голосами, так как мертвое молчание имеет голос гораздо более ужасный, чем простой крик. Я заговорил, но эхо моих слов, возвращаясь ко мне от стен и сводов, только еще больше давило меня. Легче было переносить эту мертвую тишину, чем ужасное эхо. Что я увижу сейчас? Должен ли я умереть в расцвете молодости и силы? Страшны были предосте-

режения жрецов. Я был охвачен ужасом и готов был бежать. Бежать, но куда? Двери храма заперты, я не мог бежать. Я был один с божеством, с невидимой силой, которую вызвал. Нет, сердце мое было чисто. Я увижу все, что мне предстоит видеть, хотя бы мне пришлось умереть!

«Изида, священная мать! – молился я. – Изида, супруга неба, приди ко мне, будь со мной! Я слабею! Не покидай меня!»

И я увидел нечто необычное. Воздух вокруг меня начал шуметь и двигаться, как крылья орла, как нечто живое. Огненные глаза глядели на меня, странный шепот проник в мою душу. В темноте появились полосы света.

Они менялись, колебались, сплетались в таинственные символы, которых я не мог понять. Быстрее и быстрее летели эти световые полосы; символы соединялись, собирались, исчезали и снова появлялись, так что мои глаза не могли сосчитать их. Мне казалось, что я несусь по морю славы, вздымавшемуся, как океан, которое то подбрасывало меня вверх, то низвергало вниз. Слава громоздилась на славу, невыносимый блеск затмевал свет, и я парил над всем этим! Скоро свет начал бледнеть в воздухе. Большие тени спустились на него, мрачные полосы пересекали его, и мрак обрушился на свет, и только я оставался, подобно огненной звезде, во тьме бесконечной ночи.

Издалека слышались звуки неземной музыки. Я слышал, как они звенели сквозь тьму, надвигались все ближе, становились громче, и вдруг закружились надо мной, позади, сверху, внизу, кругом меня, ужасая и восхищая меня. Потом они растаяли в пространстве. За ними налетели другие нежные звуки, словно десять тысяч сistr сотрясались разом, и громкие, словно медные горла бесчисленных труб. Я слышал дивные песни нечеловеческих голосов, которые замирали в громе барабанов.

Наконец все прекратилось. Последние звуки замерли под сводами, и снова воцарилась тягостная тишина. Силы мои стали слабеть. Я чувствовал, что моя жизнь колеблется. На меня надвигалась смерть в образе мертвящей тишины. Она вошла в мое сердце и охватила меня щемящим чувством холода, но мой ум еще жил, я мог мыслить. Я знал, что близок к смерти. Я умирал и – о ужас! – пытался молиться, но не мог! Не было времени для молитвы!

Минута сопротивления – и тишина заползла в мой мозг. Страх прошел. Неизмеримая тяжесть давила меня. Я умирал, и вдруг наступило ничто, небытие. Я умер. Во мне произошла перемена. Жизнь вернулась ко мне, но не было ничего общего между ней и прошлой жизнью. Между ними легла бездна. Я снова стоял во мраке храма, но мне было легко и светло, как днем. Я стоял, или, вернее, мое духовное существо, так как тело мое лежало мертвым у моих ног. Оно лежало, немое и неподвижное, и печать неземного покоя отражалась на челе. Крылья пламени подхватили меня и помчали дальше с быстротой молнии. Я летел через пустые пространства, усеянные блестящими коронами звезд, вниз, на десять миллионов верст и десять раз десять миллионов, пока не очутился в облаках нежного, неменяющегося света, в котором тонули храмы, дворцы, обители, каких человек не видал и во сне. Они были построены из пламени и мрака. Башни вздымались в вышину, обширные дворы тянулись кругом.

Они постоянно менялись на вид: пламя превращалось в мрак и мрак – в пламя. Здесь блеснул кристалл, там сверкали драгоценные камни сквозь славу, окружавшую города в долине смерти. Шелест деревьев походил на звуки музыки, дыхание воздуха походило на замирающие звуки пения. Образы, изменчивые, таинственные, удивительные неслись мне навстречу, увлекая меня вниз, пока я очутился, как мне казалось, на другой земле.

«Кто идет?» – закричал громкий голос.

«Гармахис, – отвечали духи. – Гармахис, взятый от земли, чтобы взглянуть в лицо той, которая есть, была и пребудет вовек. Гармахис, дитя земли!»

«Закройте ворота и откройте двери! – слышался неземной голос. – Закройте ворота и широко раскройте двери! Запечатайте уста его, чтобы его голос не ворвался в гармонию неба,

возьмите у него зрение, чтобы он не увидел того, что ему не дано видеть, и пусть Гармахис вступит на путь неизменяемого. Иди, дитя земли! Но прежде посмотри, как далек ты от земли!»

Я поднял глаза. За славой, сияющей над городом, расстилась мрачная ночь, на лоне которой мерцала одинокая звезда.

«Посмотри, вот мир, покинутый тобой! Смотри и трепещи!»

Что-то коснулось моих уст и глаз, печать молчания была наложена на них. Я стал нем и слеп. Ворота закрылись, двери распахнулись. Я очутился в городе, лежащем в Долине Смерти, и стоял опять на ногах. Страшный голос сказал: «Снимите мрачную повязку с его глаз, откройте ему уста, чтобы Гармахис, дитя земли, мог видеть, слышать и понимать и преклониться перед вечной матерью!»

Мои глаза и уста открылись, снова вернулись зрение и дар речи. И вот я очутился в зале из черного мрамора; зал был так высок, что взор мой при разлитом кругом розовом свете не мог достигнуть сводов крыши. Музыка звучала в нем. Крылатые духи, сверкающие таким ярким блеском, что я не мог смотреть на них, наполняли зал. В центре находился маленький четырехугольный алтарь, и я стоял перед пустым алтарем.

Небесный голос произнес: «О ты, которая была, есть и будешь, имеющая много имен, но без имени, руководительница времени, посланница богов, хранительница миров и племен, живущих в них, всеобщая мать, рожденная из ничего, создательница всего, живущий блеск, не имеющий формы, живая форма без существа, служительница невидимого, дитя закона, держащая весы и меч судьбы, сосуд жизни, из которого изливается жизнь и куда она вновь собирается, заступница свершавшегося, исполнительница предначертаний! Слушай! Гармахис, египтянин, вызванный с земли, ждет перед твоим алтарем с открытыми ушами и глазами и с раскрытым сердцем! Выслушай и сойди! Сойди, о многообразная! Сойди в пламени! Сойди в звуке! Сойди в духе! Выслушай и сойди!»

Голос умолк, и наступила тишина, сквозь которую скоро донесся до меня звук, подобный рокоту моря. Я отнял руки от глаз и увидел маленькое облако над алтарем, в котором извивался огненный змей. Тогда все блестящие духи пали перед алтарем на мраморный пол и громко славословили богиню, но я не мог понять их слов. Вдруг темное облако спустилось на алтарь, огненный змей коснулся моего чела языком и исчез. Подобно музыке, из облака зазвучал дивный, нежный и чистый голос:

«Уходите вы, служители! Оставьте меня с моим сыном, которого я позвала!»

Как огненные стрелы, лучезарные духи поднялись и исчезли.

«О Гармахис, – продолжал голос, – не пугайся! Я та, которую ты знаешь как Изиду египтян! Не пытайся узнать более, это свыше твоих сил! Я – все и во всем, жизнь – это мой дух, и природа – мое одеяние. Я – первая улыбка ребенка, я – первая любовь девушки, я – нежный поцелуй матери. Я – дитя и слуга Невидимого, Который есть Бог, Закон, Судьба, но я сама ни бог, ни закон, ни судьба. Мой голос слышится во все бури, в океане, на земле, ты видишь мое лицо – в глубоком звездном небе. Моя улыбка – это бутон благоухающего цветка, который тянется к солнцу! Я – это природа, и все ее образы – мои образы! Я дышу в каждом дыхании. Я вырастаю и уменьшаюсь в изменчивом свете луны, я расту в приливах моря, я встаю с солнцем, блистаю в свете молний, говорю голосом бури! Нельзя измерить мое величие, я нахожу приют в ничтожестве, в песчинке! Я – в тебе и ты – во мне! О Гармахис! Кто создал тебя, создал и меня! Хотя величие мое безгранично, а твое – мало, но бойся! Мы связаны с тобой той цепью жизни, что проходит через солнце, звезды и пространства, через духов и души людей, объединяя природу в одно целое, которое, меняясь, остается неизменным!»

Я склонил голову и молчал, объятый трепетом.

«С верой служил ты мне, сын мой! – продолжал чудный голос. – Велико твое стремление увидеть меня лицом к лицу, здесь, в Аменти. Велик дух твой, дерзнувший исполнить свое желание! Не легко это тебе было – сбросить оболочку тела ранее назначенного времени и хотя

на час облечься в одеяние Духа. И я сильно желала, служитель мой и сын, взглянуть на тебя здесь. Боги любят тех, кто их любит глубокой и полной любовью, и я, слуга невидимого, который так же далек от меня, как я далека от тебя, смертный, я – богиня богов. Поэтому тебя принесли сюда, Гармахис, и я говорю с тобой, сын мой, и позволяю тебе иметь общение со мной, как в ту ночь, на портике храма в Абуфисе. Я была тогда с тобой, Гармахис, положила священный лотос в твою руку, посылая тебе знамение, которое ты просил. Ведь ты – потомок царственной крови моих детей, которые служили мне из века в век. Если ты не ослабеешь, ты воссядешь на трон предков твоих и восстановишь древнее поклонение мне во всей его чистоте и очистишь храмы от осквернения. А если ты падешь, вечный дух Изида исчезнет из памяти Египта!»

Голос замолк. Собрав всю свою силу, я решился спросить: «Скажи мне, священная, устою ли я?»

«Не спрашивай меня, – отвечал голос. – Я не могу сказать тебе этого. Быть может, я знаю, что будет с тобой, быть может, я не могу знать. Зачем божеству думать о конечном, смотря на цветок, который еще не распустился, но семя которого даст пышный цвет в свое время! Знай, Гармахис, что будущее не в моих руках! Будущее твое – в тебе, а не во мне, так как рождено законом, но предначертанием Невидимого. Ты свободен поступать как хочешь, ты победишь или падешь сообразно чистоте твоего сердца. На тебе лежит долг, на тебя же падет слава или позор. Я только исполняю предначертанное. Слушай меня: я буду всегда с тобой, мой сын, так как кому дана любовь моя, у того она не отнимется, только грех может потерять ее. Помни это! Если ты восторжествуешь, награда твоя велика! Если же ты падешь, ужасно будет твое наказание и в земной жизни, и здесь, в Аменти. Но утешься, сын мой! Стыд и муки не вечны. Как бы ни было глубоко твое падение, если раскаяние грызет твое сердце, это путь – тяжелый, каменистый путь – к прежней высоте. Пусть не таков будет твой удел, Гармахис!

Так как ты возлюбил меня, сын мой, то не должен блуждать в тех сказочных потемках, в которых запутались люди на земле, принимая ошибочно материю за дух и алтарь за Бога: ты получил путь к истине многообразной! Я возлюбила тебя и предвижу день, который наступит, и ты будешь жить, благословляемый, в свете моей славы, исполняя мое приказание. Поэтому, говорю тебе, тебе дано, Гармахис, услышать слово, которым можешь вызвать меня от Всемогущего, тебе, который приобщился мне и лицезрел меня лицом к лицу! Слушай! Смотри!»

Нежный голос умолк. Темное облако над алтарем изменялось, принимая то бледный, то яркий свет, и, наконец, получило образ закутанной женщины. Золотой змей выполз из ее сердца и, подобно живой диадеме, обвился вокруг небесного тела. Вдруг голос произнес страшное слово. Облако рассеялось, и я увидел Славу, при мысли о которой душа моя трепещет и замирает. Я не могу сказать, что я видел. После многих протекших лет я говорю и теперь: то, что я видел, – выше человеческого воображения! Человеку трудно постичь это. Эхо того страшного слова, память о том, что я видел, навеки запечатлелись в моем сердце; мой дух ослабел, и я упал ниц перед лицом Славы. Когда же я упал, казалось, весь зал рушился подо мной и рассыпался огненными искрами. Подул сильный вихрь: отзвук божественных слов, канувших в поток времени! Больше я ничего не помню!

VII

Пробуждение Гармахиса. – Церемония его коронования фараоном Верхнего и Нижнего Египта. – Жертвоприношение нового фараона

Очнулся я на каменном полу святилища Изиы, в Абуфисе. Около меня стоял жрец с лампадой в руке. Он склонился надо мной, всматриваясь в мое лицо.

– Этот день – день твоего нового рождения, и ты жив и видишь его, Гармахис. Благодарение богам! Встань, царственный Гармахис, и не говори мне ничего, что произошло с тобой! Восстань, возлюбленный священной матерью! Иди, прошедший сквозь пламя, познавший, что лежит за мраком, иди, новорожденный!

Я встал, шатаясь, и пошел за ним; выйдя из темноты храма с потрясенной душой, я жадно вдохнул чистый утренний воздух, затем прошел в свою комнату и заснул. Ни одно сновидение не смутило моего сна.

Никто, даже отец не спрашивал меня о том, что я видел ночью и как я приобщился богам. После этого я усердно предавался поклонению матери Изиы и изучению тех таинств, к которым я имел ключ теперь. Кроме того, я изучал государственную политику, так как много великих людей – наших сторонников – тайно приходили ко мне со всех частей Египта и много говорили о ненависти народа к царице Клеопатре и о других вещах.

Близилась решительная минута. Прошло три месяца и десять дней с той ночи, когда я, сбросив телесную оболочку, был перенесен на лоно Изиы, которой угодно было, чтобы я по обычным обрядам в глубокой тайне призван был на трон Верхнего и Нижнего Египта. Когда настала священная минута, со всего Египта собрались великие мужи в виде жрецов, пилигримов, нищих. Между ними находился и мой дядя Сеп, переодетый доктором, стремящийся сдержать свой могучий голос, выдававший его. Я узнал его, встретив однажды на берегах канала, где гулял. Я узнал сейчас же, хотя было темно и большой капюшон, по обычаю докторов накинутый на голову, наполовину скрывал его лицо.

– Чума на тебя! – вскричал он, когда я назвал его по имени. – Может ли человек хотя на один час перестать быть самим собой? Сколько я мучился, чтобы научиться играть роль доктора, а ты узнал меня даже в темноте!

Потом по обыкновению громко он рассказал мне, что путешествовал пешком, чтобы избежать шпионов, скрывающихся по берегам реки. Он добавил, что вернется по воде, переодевшись иначе, так как, одевшись доктором, он вынужден разыгрывать доктора, ничего не понимая в медицине. «Наверное, между Анну и Абуфисом многие пострадали от моего лечения»¹⁴. И он громко захохотал, обняв меня, забывая свою роль. Сеп был слишком прямой и сердечный человек, чтобы играть роль, и хотел войти в Абуфис, держа меня за руку.

Наконец все были в сборе. Наступила ночь. Ворота храма заперли. В храме находились тридцать семь мужей, мой отец, великий жрец Аменемхат, старый жрец, который ввел меня в храм Изиы, старуха Атуа, которая согласно древнему обычаю должна была приготовить меня к помазанию, и пятеро других жрецов, поклявшихся хранить все это в тайне. Все они собрались во втором зале большого храма; я остался один, одетый в белое одеяние, в переходах, которые носят имена семидесяти древних царей, живших прежде божественного Сети.

Кругом была темнота, потом мой отец, Аменемхат, вошел, неся лампаду, и, склонившись низко передо мной, повел меня за руку в большой зал. Там и сям в темноте зала, между огромными колоннами, горели огни, озарявшие скульптурные изображения на стенах и длинные одеяния тридцати семи сановников, жрецов, князей, молчаливо сидевших в разных крес-

¹⁴ В Египте неискусные врачи подвергались тяжелому наказанию.

лах в ожидании моего прихода. Перед ними, задом к семи святилищам, стоял трон, окруженный жрецами, державшими священные реликвии и знамена. Когда я вступил в мрачное святое место, все присутствовавшие поднялись и молча поклонились мне. Отец мой ввел меня на ступени трона, тихо велел мне стать тут и сказал:

– Сановники, жрецы и князья древних родов страны Кеми! Благородные мужи Верхней и Нижней Страны, собравшиеся на мой зов сюда, выслушайте меня! Я представляю вам князя Гармахиса, по праву потомка царственной крови древних фараонов нашей несчастной страны, Гармахиса, жреца таинств божественной Изиды, владыки таинств, наследственного жреца пирамид Мемфиса, наученного торжественным обычаям священного Озириса! Есть ли между нами кто-либо, кто может возразить против происхождения его от царственной крови?

Он замолчал. Мой дядя Септа, поднявшись с кресла, сказал:

– Мы рассмотрели списки. В нем подлинно течет царственная кровь, его происхождение истинно!

– Есть ли кто-либо среди вас, – продолжал мой отец, – кто может отрицать, что царственный Гармахис по изволению богов приобщился матери Изиде, узнал священный путь к Озирису, допущен быть наследственным жрецом пирамид при Мемфисе и храмов при пирамидах?

Тогда встал старый жрец, мой проводник в святилище Изиды, и сказал:

– Никого нет, о Аменемхат! Я знаю это сам!

Еще раз мой отец повторил:

– Найдется ли кто между вами, кто мог бы возразить, что царственный Гармахис по злобе сердца или по нечистоте жизни, по лживости или порочности недостойн принять корону фараона всей страны?

Тогда встал пожилой князь из Мемфиса и ответил:

– Мы исследовали все это, и никто не может отрицать его достоинств!

– Хорошо, – сказал мой отец, – в князе Гармахисе не имеется недостатков, как в священном семени Некта-Небфа Озирийского. Пусть же старая женщина Атуа расскажет всем присутствующим о том, что произошло в час смерти моей жены, которая, исполнившись духа, пророчествовала о Гармахисе!

Тогда старая Атуа отделилась от тени колонн и важно рассказала все, что знала.

– Вы слышали, – сказал мой отец, – верите ли вы, что через мою жену говорил божественный голос?

– Верим все! – был общий ответ.

Снова встал мой дядя Септа и сказал:

– Царственный Гармахис, ты слышишь? Знай же, что мы собрались здесь короновать тебя фараоном Верхнего и Нижнего Египта: святой отец Аменемхат отказывается от своих прав в твою пользу. Нам не придется совершать это со всей приличествующей пышностью и церемониями, так как мы должны сохранить в строжайшей тайне ради сбережения нашей жизни, хотя это дело дороже для нас самой жизни. Все же мы совершим твое коронование с достоинством и согласно древним обычаям, как только позволяют обстоятельства. Узнай же, в чем дело, и, узнавши, если ум твой не имеет препятствий, воссядь на трон фараонов и принеси присягу! Давно и долго стонет страна Кеми под тяжелым игом греков и трепещет при виде римских копий. Давно уже оскверняется наша древняя вера, а народ томится под властью иноземцев! Мы верим, что час освобождения настал, и торжественным голосом всего Египта и древних египетских богов, с которыми ты связан крепкими узами, взываем к тебе, князь: «Будь мечом нашего освободителя!» Слушай же! Двадцать тысяч верных и храбрых мужей ждут твоего слова и по твоему знаку встанут как один человек, чтобы избить греков, и из крови и тел их построить тебе трон на земле Кеми, прочнее и крепче древних пирамид, такой престол, чтобы далеко отбросить все римские легионы! Сигналом восстания будет смерть смелой развратницы Клеопатры. Ты должен позаботиться об ее смерти и ее кровью будешь помазан на царственном

троне Египта. Можешь ли ты отказаться, наша надежда? Разве твое сердце не полно священной любви к родине? Можешь ли ты отнять от уст Египта чашу свободы или заставить пить горький напиток рабства? Твоя задача велика. Она может не удалась, и ты заплатишься тогда твоей жизнью, как мы. Но что из этого, Гармахис? Разве жизнь так уж сладка? Разве мы уж так дорожим каменистым ложем земли? Разве горечи и печали земли не ничтожны? Неужели мы дышим таким божественным воздухом, что побоимся взглянуть в лицо смерти? Что есть у нас на земле, кроме надежды и воспоминаний? Что видим мы, кроме теней? Разве побоимся с чистыми руками идти туда, где исполнение всего, где воспоминание теряется в собственном источнике и тени исчезают во всепроникающем свете? О Гармахис, истинно блажен тот человек, кто венчает свою жизнь пышным венцом славы! Смерть протягивает всему живущему свои мрачные цветы мака, и счастлив тот, кто сумеет внести эти цветы в свой венец славы! Какая смерть лучше для человека, чем смерть за свободу своей родины, за ее права, чтобы родная страна могла встать лицом к небу и, испустив клич свободы, снова облачилась в броню силы, растоптала ногами иго рабства, земных тиранов, наложивших печать неволи на ее чело? Кем призывает тебя, Гармахис! Иди, иди, Освободитель, подобно Хору, спустишься с неба, разбей цепи рабства, рассея врагов и царствуй на троне фараонов!

– Довольно, довольно! – вскричал я, и долгий ропот одобрения послышался у колонн и массивных стен. – Довольно! Разве нужно так заклинять меня? Если б я имел не одну, а сто жизней, я с радостью отдал бы их за Египет!

– Хорошо сказано, хорошо! – подхватил Сеп. – Теперь иди с этой женщиной, чтобы она омыла твои руки, перед тем как они коснутся священных эмблем, и помазала твое чело, прежде чем оно украсится диадемой!

Я пошел в отдельную комнату с Атуей. Там она, бормоча молитвы, налила мне на руки чистой воды над золотой чашей и, обмакнув в масло кусочек сукна, помазала им мое чело.

– О счастливый Египет! – бормотала при этом старуха. – Счастливый князь, будущий правитель Египта! О царственный юноша! Слишком царственный, чтобы быть жрецом, так, наверное, будут думать многие прекрасные женщины! Может быть, для тебя и изменят жреческий закон, иначе как же продолжится твой род фараонов? Как счастлива я, вынянчившая тебя, отдавшая мою плоть и кровь ради твоего спасения! О царственный красавец, Гармахис, родившийся для роскоши, счастья и любви!

– Перестань, перестань! – прервал я ее болтовню, которая раздражала меня. – Не называй меня счастливым, пока не узнаешь, как я кончу, и никогда не говори мне о любви; с любовью нераздельна печаль, мой путь иной и лучший!

– Ай-ай, как ты говоришь! Но и радость приходит с любовью! Не говори легко о любви, мой царь, ведь ты сам произошел от любви. Ля! Ля! Но это всегда так бывает! «Гуси, распустив крылья, смеются над крокодилами, – говорят в Александрии, – а когда гуси спят в воде, смеются крокодилы!» Пожалуй, женщины похожи на прекрасных крокодилов! Люди поклоняются крокодилам в Антрибисе – он называется теперь Крокодилополисом. Не правда ли? Люди поклоняются также женщинам во всем мире. Ля! Как вертится мой язык! А ты сейчас будешь коронован фараоном! Разве я не предсказала это? Ну, теперь ты чист, властитель двойной короны. Иди же!

Я вышел из комнаты со старухой, безумная болтовня которой звенела в моих ушах, хотя в ее безумии заключалось зерно мудрости.

Когда я вошел, сановники встали и снова поклонились мне. Тогда мой отец, не медля, подошел ко мне и дал мне в руки золотое изображение божественной Ма, богини истины, золотые изображения ковчегов бога Амега-Ра, божественных Моут и Кон и торжественно произнес:

– Клянись ли ты живым величием Ма, величием Амега-Ра, Моут и Кон?

– Клянусь! – ответил я.

– Клянешься ли ты священной страной Кеми, священной водой Сигора, храмами богов и вечными пирамидами?

– Клянусь!

– Помни об ужасном наказании, которое постигнет тебя, если ты нарушишь клятву! Клянись, что будешь править Египтом согласно древним законам, что будешь оберегать поклонение богам, будешь справедлив, не будешь угнетать народ, что не изменишь ему, не будешь заключать союза с римлянами или греками, что выбросишь иноземных идолов и посветишь всю свою жизнь свободе и счастьем страны Кеми!

– Клянусь!

– Хорошо. Взойди на трон, чтобы я мог назвать тебя фараоном в присутствии твоих подданных!

Я взошел на трон. Подножием его был сфинкс, а балдахином – распростертые крылья бога Ма.

Аменемхат подошел ближе и возложил пшент¹⁵ на мое чело, двойную корону на мою голову и царское одеяние на мои плечи. В руках я держал скипетр и бич.

– Царственный Гармахис, – вскричал он, – этими знаками я, великий жрец храма Ра-Мен-Ма в Абуфисе, короную тебя фараоном Верхнего и Нижнего Египта! Царствуй и благоденствуй, о надежда Кеми!

– Царствуй и благоденствуй, о фараон! – как эхо повторили все присутствующие, склоняясь передо мной.

Один за другим они принесли мне присягу и дали клятву. Потом отец взял меня за руку и в торжественной процессии повел меня в каждое из семи святилищ в храме Ра-Мен-Ма. Я приносил жертву, курил фимиам и священнодействовал как жрец. В царском одеянии я принес жертву в храме Хора, Изиды, Озириса, в храме Амен-Ра, в храме Пта, пока не достиг храма Царской комнаты, где уже мне как божественному фараону были принесены жертвы. Потом все ушли, оставив меня одного; теперь я был уже царем Египта.

(На этом кончается первый, маленький лист папируса.)

¹⁵ Царская повязка фараонов.

Часть II

Падение Гармахиса

I

Прощание Аменемхата с Гармахисом. – Гармахис отправляется в Александрию. – Увещания Сепы. – Клеопатра в одежде Изида. – Гармахис поражает гладиатора

Долгие дни приготовления закончились. Время настало. Я был посвящен и коронован, и, хотя простой народ не знал меня или знал только как жреца Изида, в Египте были уже тысячи людей, которые в душе чтили меня и поклонялись мне как фараону. Час мой близился, и дух мой рвался ему навстречу. Я жаждал низвергнуть иноплеменника, видеть Египет свободным, взойти на трон – мое наследство и очистить храмы моих богов. Я стремился к борьбе и не сомневался в ее исходе. Смотрясь в зеркало, я видел триумф и победу на своем челе. Путь славы был уготован мне в будущем, сияющий, как Сигор, в лучах солнца.

Я приобшился матери Изиде, мысленно советовался с своим сердцем, воздвигал великие законы, которые должны осчастливить мой народ, и в моих ушах звучали восторженные крики, приветствовавшие победоносного фараона на троне.

Пока я находился в Абуфисе и мечтал, мои остриженные волосы снова отросли, длинные и черные, как вороново крыло. Я упражнялся в военном искусстве и для известных мне целей усовершенствовался в египетской магии. Научился читать по звездам и даже достиг в этом большой ловкости.

Настало время исполнять составленный план. Мой дядя Сепы на время покинул храм в Анну, сославшись на расстроенное здоровье, и поселился в своем доме в Александрии, чтобы набраться сил, как он говорил, и подышать морским воздухом, полюбоваться чудесами великого музея и славой двора Клеопатры. Там я должен был присоединиться к нему, так как в самой Александрии положено было начало заговора. Согласно условию, как только меня потребовали, все было подготовлено, я собрался в путь и прошел в комнату моего отца, чтобы получить от него благословение. Старик сидел на своем обычном месте, его длинная белая борода лежала на каменном столе, в руке он держал связанные письма. Когда я вошел в комнату, мой отец встал с места и хотел встать на колени передо мной, вскричав: «Приветствую тебя, фараон!» Но я удержал его за руку.

– Это не подобает тебе, отец! – сказал я.

– Нет, подобает, – ответил он, – подобает мне поклониться моему царю. Но пусть будет по-твоему! Итак, ты уезжаешь, Гармахис, благословение мое да будет с тобой! О сын мой! Пусть боги, которым я служу, даруют счастье моим старым глазам видеть тебя на троне! Я много и упорно трудился, Гармахис, стараясь узнать тайну будущего, но вся моя мудрость не могла помочь мне. Это закрыто передо мной; иногда мое сердце слабеет. Но послушай. Тебе предстоит опасность в образе женщины. Я давно знаю это, поэтому-то ты и был призван к почитанию божественной Изида, которая запрещает своим избранникам всякую мысль о земной женщине, пока ей не угодно будет смягчить обет. О сын мой, я хотел бы, чтобы ты не был так красив и силен – ты красивее и сильнее всех мужей Египта, как и подобает царю! Но эта красота и сила может быть причиной твоего падения. Берегись, сын мой, чародеек Александрии, чтобы они, подобно червю, не вползли в твое сердце и не сглодали твоей тайны!

– Не бойся, отец, – отвечал я, нахмурившись, – моя мысль занята другим, я не думаю о пунцовых губах и смеющихся глазах!

– Это хорошо, – ответил он, – пусть будет так. А теперь прощай! Когда мы снова встретимся, быть может, в счастливый час, я приду из Абуфиса со всеми жрецами Верхнего Египта поклониться фараону на его троне!

Он нежно обнял меня, и я ушел. Увы! Как мало я думал о том, как нам придется встретиться.

Итак, еще раз пришлось путешествовать мне по Нилу в качестве обыкновенного человека. Тем, кто любопытствовал относительно меня, отвечали, что я приемный сын великого жреца в Абуфисе, воспитанный им для службы жреца, что я отказался от служения богам и решил отправиться в Александрию попытать счастья. Кто не знал правды, тот полагал, что я действительно внук старой Атуи.

На десятую ночь, плывя по ветру, мы достигли могущественной Александрии, города тысячи сверкающих маяков: над городом господствовал белый Фарос, одно из чудес мира, от венца которого разливался свет, подобный солнечному, освещавший воду и указывавший путь морякам. Когда судно вошло в гавань и было тщательно привязано, так как наступила ночь, я сошел на берег и стоял, изумленный громадой домов, смущенный шумом и говором на разных языках. Казалось, все народы собрались сюда со всего мира и каждый говорил на языке своей страны. Пока я стоял, какой-то молодой человек подошел ко мне и, тронув меня за плечо, спросил, не из Абуфиса ли я и не зовут ли меня Гармахисом. Я ответил утвердительно. Тогда, склонившись ко мне, он прошептал мне на ухо тайный пароль и приказал двум невольникам взять мой багаж с корабля. Они исполнили приказание, расчистив себе путь через толпу носильщиков, пристававших со своими услугами. Я последовал за незнакомцем по набережной мимо бесчисленных винных лавок, где толпились всевозможного рода люди, попивая вино и любуясь пляской женщин, из которых одни были полуодеты, другие – совершенно нагие.

Мы прошли мимо освещенных домов, добрались до берега гавани и свернули направо вдоль широкой дороги, вымощенной камнем. По краям дороги стояли огромные дома с галереями, каких я никогда не видел. Мы повернули еще раз направо и очутились в менее шумной части города. Улицы были пустынные и тихи, только изредка оживляемые толпами гуляк. Мой путеводитель остановился у дома, выстроенного из белого камня. Мы вошли внутрь и, пройдя маленький дворик, очутились в освещенной комнате, где я нашел дядю Сепу. Он сильно обрадовался мне. Когда я помылся с дороги и поел, он сказал мне, что все идет хорошо, что при дворе ничего не подозревают. Далее он рассказал мне, что, когда ушей царицы достигло известие, что жрец из Анну поселился в Александрии, она послала за ним и много расспрашивала его – не о заговоре – ей не приходило и в голову это, – а о сокровище, скрытом в великой пирамиде близ Анну, так как слышала об этом. Расточительная, она вечно нуждалась в деньгах и мечтала раскрыть пирамиду. Сепу смеялся над ней, говоря, что пирамида служит только местом упокоения божественного Куфу, что он ничего не слышал о сокровищах.

Клеопатра рассердилась и поклялась, что она разрушит пирамиду, не оставит камня на камне и вырвет тайну из ее сердца, что это так же верно, как то, что она правит Египтом. Сепу опять засмеялся и ответил ей александрийской пословицей: «Горы переживают царей!» Она тоже засмеялась его удачному ответу и отпустила его. Затем дядя Сепу сказал мне, что завтра будет день рождения Клеопатры, также и мой, и что я увижу ее, так как она в одеянии священной Изиды отправится из своего дворца на Лохиа в Серапиум, чтобы принести жертву в храме ложного бога. А потом, прибавил он, надо будет поразмыслить, как мне проникнуть во дворец царицы. Я очень устал и пошел спать, но не мог уснуть в незнакомом месте, тревожимый шумом улицы и мыслью о завтрашнем дне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.